

ИГОРЬ КУЛЬЧИЦКИЙ

Дневник Эриха Эйке

Часть 1

1941

Игорь Кульчицкий Дневник Эриха Эйке. Часть 1. 1941

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9990268
Дневник Эриха Эйке. Часть 1. 1941 / Игорь Кульчицкий:*

Аннотация

Частный коллекционер документов времен Великой Отечественной Войны случайно приобретает личный дневник немецкого офицера, который в июле 1941 года, во главе группы специалистов, ищет на территории Бессарабии след пропавшего амулета графа Потемкина-Таврического.

Для перевода дневника привлекается пенсионер – бывший работник спецслужб.

Перевод не только открывает интересные детали поиска амулета во время войны, но и создает множество неожиданных и неприятных проблем для коллекционера и переводчика.

Оказывается, содержание дневника интересно не только им двоим.

Содержание

Пролог	5
Эпизод 1. Пересечение времен	15
Эпизод 2. Магазин «Нумизмат»	27
Эпизод 3. Сергей Николаевич	39
Эпизод 4. Место смерти	59
Эпизод 5. 54-й армейский корпус	74
Эпизод 6. То, что мы ищем	101
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Игорь Кульчицкий

Дневник Эриха Эйке

Часть 1

1941

Изложение основано на архивных отечественных и трофейных документах.

Пролог

Мы стоим уже минут 20. Водитель впереди выключил двигатель – наверное, экономит бензин (несерьезное занятие – на морозе машина остывает быстро). Слава богу, вечером внутреннее транспортное кольцо не так забито, вся нагрузка падает на внешнее, утром – наоборот, иначе все было бы еще хуже. Хорошо, что я сегодня пораньше вырвался с работы, и до Ленинского осталось около сотни метров, а каково тем, кто позади?

На моем маршруте несколько потенциальных мест возникновения пробок – съезд с Симферопольского шоссе на МКАД, и на МКАДе – Ясенево, Профсоюзка и Ленинский. Заторы в районах Ясенево и Профсоюзки обычно плавно переходят один в другой, а если еще и «слуги народа» мчатся во Внуково, то подключается Ленинский проспект. Странно, но при Лужкове на пересечении МКАД и Ленинского пробок не было – теперь же они стали стабильными почти каждый вечер, за редким исключением.

Водитель соседней справа машины открыл дверцу, вышел и направился к голове пробки. Он вернулся, наверное, минут через пять, мигая огоньком сигареты. От мороза выдыхаемый им дым был гуще и белее.

– Что там? – я опустил пассажирское стекло и выглянул в окно.

– Да х... его знает, – сосед бросил окурок на асфальт, – опять менты перегородили. Может, едет кто...

– Ясно, – закрыв окно, я сделал громче музыку и тоже решил закурить. А что еще делать? Только ждать. Где-то загудел сигнал, потом второй, скоро к ним присоединились еще и еще. Какафония звуков разной тональности выражает возмущение долгостоянием. Какого черта?! Пусть летают на вертолетах. Тут час на работу добираешься; и потом час, а иногда и много дольше – домой. Облеченные доверием создают пробки для граждан, которые их облечили доверием. Я посмотрел на телефон. Позвонить что ли?

На пятом или седьмом гудке сняли трубку.

– Алло?

– Привет, Кирилл. Это Игорьь.

– А-а-а, привет.

– Ну, что там? Есть?

– Да, сегодня пришло, твой 1501-й и еще кое-что.

– Что именно?

– По твоей теме.

– Молдавия?

– Ну, да. Дневник какого-то немца. Такой... толстенный, страничек на пятьсот машинописного текста. Там записки всякие от руки. Короче – разберешься.

– И что интересного?

– Не знаю. Мелькают Бессарабия, Кишинев, какие-то Дубоссары. Сам посмотришь.

- Ладно. Сколько?
- Как обычно – 120 за каждый. Всего 240.
- Давай отдам долларами.
- Нет, переводи в рубли и забрось на карточку в Сбербанке.
- Ну, сообщи СМСкой счет, а то я записываю на разных бумажках, потом теряю.
- Ладно. Когда заплатишь?
- В понедельник. Ты заряди все это на FTP¹, поставлю сегодня на закачку.
- Договорились. Только не тяни с оплатой.
- Само собой, не первый раз. Слушай, а что там еще есть? Может, какие-то карты?
- Да, есть, только там у них все в кучу, не отсортировано. Наши, немецкие.
- Почему?
- Цену еще не называли. Хотим все отсканировать, но это долго.
- Все, что касается Бессарабии – готов купить. Если цена будет лояльная.
- Ладно.
- Так ты загонишь на FTP?
- Уже там. Забирай.
- Ну, все, пока.

¹ FTP (англ. File Transfer Protocol – протокол передачи файлов). Стандартный протокол, предназначенный для передачи файлов по сети Интернет.

– Пока.

Что может поднять настроение? Приятная новость и долгожданные документы! Вот только эта проклятая пробка!.. Я нажал на сигнал, и через несколько секунд мое возмущение подхватили соседи. Не терпелось залезть на FTP и снять доки.

Довольно скоро мы тронулись.

Припарковавшись, я поднялся в квартиру, включил ноутбук и поставил чайник. Горячий чай или кофе – в самый раз с мороза.

В моей директории на FTP у Кирилла лежали две папки – «1501» и «Diary». Зарядил их на копирование. На часах – почти половина восьмого. Теперь перекачка доков займет, наверное, часа два. Значит, можно пока зайти на форум, посмотреть, что там нового.

Я, Алекс и Вебер купили его зимой 2011-го. Убитый ресурс с четырьмя или пятью постоянными посетителями и толпой «мертвых душ», не проявлявших активности. В итоге – «междусобойчик» с «паленым» движком, на котором, как говорили теперь уже наши конкуренты, «собрались обиженные и оскорбленные».

С некоторых пор, находясь «в оппозиции», мы решили возродить форум, не меняя его названия, наполнить интересным содержанием, словом, сделать привлекательным, но, главное – свободным. Это должна быть площадка для

мнений, без жесткой цензуры, без навязывания какой-либо идеологии. В какой-то мере нам это удалось.

Просматривая темы и посты, я следил и за результатами копирования. Не терпелось понять, что пришло, и хотя немецким я не владею, номера дивизий, география и даты уже позволяют разобраться, о чем идет речь, пусть даже в самых общих чертах, особенно, если известна хронология событий. А там – поглядим... В документах все по-немецки, это значит, что, в связи с незнанием языка, переводить придется «со словарем» (так раньше писали в анкетах), а это процесс долгий и мучительный, но если документ представляет интерес – дело того стоит.

Это стало моим хобби с 2005 года, когда, начитавшись постов по военной археологии и посмотревшись на форумах фотографий находок, я начал сбор материалов по боям второй мировой войны в Молдавии. Это теперь – моя «тема». К сожалению, найти информацию по боевым действиям в этом регионе, а я имею в виду не банальные и дублирующие друг друга скудные заметки и статьи общего характера на уровне учебников истории, проблематично. Чтобы ясно понять, что происходило, нужны детали событий, а вот их-то в существующих официальных версиях меньше всего. Поэтому я сделал ставку на документы – наши и немецкие, сопоставление которых позволяет получить полную картину событий, а мемуары дополняют ее яркими деталями. И это уже действительно интересно. В процессе сбора, перевода и анализа

информации открываешь для себя столько нового, что подчас официальное изложение, корректно выражаясь, не всегда уже можно назвать правдивым. Одним словом, это затягивает как наркотик – нельзя оторваться. Вот и теперь, глядя на синюю полосу индикатора копирования, я гадал, что же там будет? Что мне досталось? Просто документы – отчеты, справки, графики – или полноценные журналы боевых действий и донесения с картами?

Два часа – это я погорячился... Две новые папки копировались в мою коллекцию больше трех часов, и это при том, что на провайдера я денег не жалею. В результате были получены почти 1600 страниц трофейных документов, относящихся к 6-й немецкой армии группы армий «Южная Украина».

В ролике² «1501» были по большей части документы лета 1944-го с июня по начало августа. Там же находилось несколько отчетов по зиме и весне того же года, отдельные карты, но в основном, как и предполагалось – армейская статистика, телеграммы, отчеты, донесения о борьбе с партизанами, чертежи фортификационных сооружений и, что особенно порадовало меня – журналы боевых действий. Основная часть документов представляла собой листы машинописного текста с грифами «Секретно» и «Только для командования».

² Микрофильм. В электронном виде представлен в виде папки с файлами документов.

В папке «Diary» после обложки с несколькими штампами и замысловатыми кодами обозначений шел лист с оттиском «Chefsache» («Совершенно секретно»), а далее действительно мелькали знакомые с детства населенные пункты, но никаких карт не было – только печатный текст с отдельными заметками, в основном, карандашом. По всей видимости, автор перепечатал рукописный дневник. С моими познаниями по немецкому языку изучение дневника могло занять немало времени, и я, наверное, отложил бы это занятие до лучших времен, но, просматривая первые страницы, вдруг заметил, что промелькнула дата 5 октября 1791 года, и далее по тексту – знакомые фамилии Голицын³ и Браницкая⁴. Сама дата меня озадачила. Что же касается Голицына – тут все было понятно, а вот кто такая Браницкая, вспомнить сразу не получилось, хотя, безусловно, фамилия эта была мне знакома.

Если раньше, чтобы понять, кто есть кто, приходилось вести поиск по книгам, лучше всего – по различным энциклопедиям, то теперь все гораздо проще. Надо зайти в сеть. По первым же результатам поиска в Яндекс я припомнил,

³ Голицын Сергей Фёдорович (1749–1810). Князь, генерал от инфантерии. Со- стоял в браке с Варварой Энгельгардт, племянницей и вероятной любовницей князя Потёмкина.

⁴ Браницкая Александра Васильевна, урождённая Энгельгардт (1754–1838). Графиня, племянница и вероятная любовница Григория Потёмкина, супруга коронного гетмана Польши Ксаверия Браницкого. Родная сестра Варвары Энгельгардт.

что Браницкая Александра Васильевна – племянница князя Григория Потемкина-Таврического. 1791-й – год смерти князя, 5 октября – день смерти. Значит, такая вот связь между датами и фамилиями. Вот уж никогда бы в голову не пришла мысль о том, что в трофейных документах можно встретить такое перекрестье времен – 1791-й и 1941-й. Дневник немца и смерть князя Потемкина – интересная получается «композиция».

Надо сказать, я засиделся, на часах начало первого ночи. Правда, завтра суббота, и на работу мне не надо – значит, можно попробовать поковыряться с переводом. Я перенес ноутбук на кухню, приготовил несколько бутербродов и, ожидая пока закипит чайник, принялся просматривать попавший ко мне документ, качество которого оставляло желать лучшего. Кроме карандашных заметок, которые сами по себе сложны для чтения из-за почерка, текст также был «не подарок». Ленту на машинке следовало бы заменить, поскольку отдельные буквы и даже строки пропечатались нечетко. Словом, мне предстояла весьма нелегкая работа. Необходимо сначала «вытащить на свет» непропечатанные должным образом буквы и слова, затем распознать текст и только потом приступить к его переводу. Однако желание узнать, что же кроется за этими страницами семидесятидвухлетней давности, все же взяло верх.

Полчаса работы в фоторедакторе – коррекция параметров освещенности, контрастности, игра с шумами и резкостью

в итоге сделали текст более или менее читаемым. Распознавание в FineReader дало значительное количество ошибок в буквах, которые пришлось править вручную, сравнивая результат с оригиналом. Впрочем, были страницы, распознавание которых не составило проблем.

Переводил я фрагментами, по абзацам, чтобы в результате понять смысл полученного текста и вернуть логику его содержанию, ведь компьютерный переводчик иногда выдает такие результаты – просто бред чистой воды. Только к четырем часам утра удалось получить логичный и законченный фрагмент дневника, точнее, той его части, в которой были упомянуты знакомые фамилии и дата.

Где-то я это уже читал...

Да... Передо мной была вольная интерпретация знакомого текста. Еще раз пробежав его глазами, я взял с книжной полки «Фаворит» Пикуля. Так и есть. Текст на экране ноутбука и текст в книге по содержанию очень схожи друг с другом, лишь язык изложения событий разный. Странное совпадение, если это не какой-либо документ, который цитировали Пикуль и автор дневника, каждый – в свое время. Теперь предстояло найти первоисточник.

Жена несколько раз звала меня спать, раза два или три приходила кошка Маруська, садилась у моих ног и, мяукая, смотрела на меня умоляющими глазами.

В дневнике немца, как выяснилось, цитировались воспо-

минания Кнорринга⁵ и Стогова⁶, скомпилированные в одно целое, и поэтому они отличались от Пикуля, взявшего за основу только Кнорринга.

Пробравшись в спальню, я спугнул кошку, потревожил, залезая под одеяло, вздохнувшую спросонья жену, и растянулся на кровати. В голове крутился вопрос: зачем этому немцу описывать смерть Потемкина?

⁵ Кнорринг Карл Фёдорович (1746–1820). Барон, российский военный и государственный деятель. Участник Русско-турецкой войны 1787–1792 годов. Очевидец смерти Григория Потемкина.

⁶ Стогов Эразм Иванович (1797–1880). Полковник корпуса жандармов, историк. Отец Стогова – Иван Дмитриевич состоял ординарцем А.В.Суворова и затем Г.А. Потемкина. Присутствовал при кончине князя. Записки Э.И.Стогова, в том числе с описанием смерти Г.А.Потемкина, опубликованы в журнале «Русская Старина» за 1886 г., т. LII, с. 85.

Эпизод 1. Пересечение времен

Когда я проснулся – шел снег.

Солнца не было, серый свет, проникающий сквозь шторы, мягко освещал спальню. Жена еще спала, Маруська, скрутившаяся калачиком у нее в ногах, подняла голову, посмотрела на меня мутным взглядом и опять улеглась. Стараясь как можно меньше шуметь, я пробрался в кухню и заварил себе кофе. Ноутбук по-прежнему лежал на кухонном столе.

Вчерашний перевод не давал покоя. Все 498 файлов, каждый из которых был страницей дневника, стали вдруг настолько интересными для меня, что захотелось начать переводить их немедленно, однако мое «знание» немецкого обещало месяцы работы. Почему эти американцы не перевели все на английский?! Такое они иногда практиковали. Тогда можно было бы читать и записывать перевод прямо с листа.

Отпивая кофе мелкими глотками, чтобы не обжечься, я начал листать страницу за страницей, выискивая в тексте что-то знакомое – вчера Кирилл говорил про Кишинева, Дубоссары. Наверняка будут и другие населенные пункты, а если внимательно просмотреть все, тогда, может быть, станет понятна география событий. Что же касается дат, то в тексте они были – дни и месяцы.

Я принялся выписывать в блокнот сначала номера страниц, затем (напротив) встречающиеся на них названия насе-

ленных пунктов и даты, но, спустя какое-то время, бросил это занятие, ограничиваясь просмотром текста. Даже незавершенный список получился достаточно длинным, и стало понятно, что вся папка действительно относится к Бессарабии, охвачен период с 1941-го по 1944-й год, однако, при этом в документе присутствовал временной разрыв в два года. Согласно датам, после записей августа 1941 г., следовали записи за март 1944 г., а последняя из них была сделана в конце августа того же года. Куда пропали 1942-й и 1943-й? Странно. Нумерация страниц в дневнике не нарушена.

Три часа пролетели незаметно. К 10 утра я закончил просмотр и, захватив телефон, вышел на лестничную площадку.

От первой сигареты кружится голова. На площадке между этажами, где мы с соседями обычно курим, было тихо, и мне казалось, что гудки в телефонной трубке слышны как минимум на этаж вверх и вниз. Не знаю, сколько их было, этих гудков, но, наконец, я услышал сонный голос Кирилла:

– Алло...

– Привет, это я, Игорь.

– Блин! Ты что, с ума сошел? Что такое?

– Где ты взял этот ролик? С немцем?

– Ну, там же...

– Слушай, у него странная маркировка на титульном листе – не такая как обычно. Куча штампов.

– Да мало ли, что там написано. Ты просил нечто интересное, я обратился к своему человеку... И – на тебе. Что

не так?

– Да все так! Хороший ролик. Но почему его нет в описи? Я специально сверялся.

– Там много чего нет. Вот про карты я тебе говорил вчера? Их тоже нет... но они есть. Что непонятно?

– Ты хочешь сказать, что эти документы в свободном доступе отсутствуют?

– Ну, да. Я о чем говорю!? Радоваться надо!

– Все, вопросов не имею.

– Ну, ладно тогда, давай...

– погоди. У тебя есть переводчик вменяемый?

– Да есть кое-кто, только дерут по 10–12 баксов за страницу. Дорого.

– Это точно! Других вариантов нет?

– Нет. А что, много переводить?

– Да ролик вот этот, дневник, надо бы полностью. Все 498 страниц.

– Ха! Это сколько получается? У тебя что, есть лишние 5 штук баксов?! С ума сошел?

– Ну, хотя бы частями. Фрагментарно. Выберу самое сложное, это – на перевод, а с остальным сам поковыряюсь.

– Ну, дерзай. Кстати, есть место, где можно попробовать поискать переводчика. Не факт, конечно, но... Сейчас удивишься... Знаешь магазин «Нумизмат» на Таганке?

– Нет.

– Пиши: угол Гончарной улицы и Гончарного проезда.

Метро там недалеко – найдешь. Место это, в общем-то, заметное – постоянно народ толпится. Люди разные, занимаются не только монетами. Сходи, присмотрись. Там разберешься. Ну, все, я спать, хотя, какое там?.. Весь сон сбил! Все, пока!

– Пока!

В коридоре, сидя столбиком в метре от двери, терпеливо ждала Маруська. Увидев меня, она снялась со своего «поста» и направилась на кухню, оборачиваясь, иду ли я следом?

Накрошив ей в миску сырой телятины и заварив свежий кофе, я решил никуда сегодня не ездить, а попробовать перевести еще несколько страниц, чтобы хотя бы понять, какое дело погнало этого немца в Бессарабию, и зачем в дневнике цитируются воспоминания Кнорринга и Стогова.

К часу дня я успел обработать еще несколько страниц. Большое количество ошибок при распознавании текста затрудняло работу, а их правка вручную отнимала много времени. Однако самое главное было впереди – перевод. Жена проснулась и, занявшись наведением порядка, гоняла меня из кухни в комнату и наоборот, обвиняя в бездельничестве. При этом мне напоминали о неоконченном ремонте, о необходимости съездить на рынок за продуктами и, вообще, пробежаться по магазинам. Оказывается, «...у нас кончилось то, заканчивается это, и вообще холодильник пуст, а еще надо бы присмотреть плитку для ванной комнаты и сан-

технику...». В общем, достаточно быстро я сдался – чтобы обеспечить себе свободный вечер, необходимо было удовлетворить большинство озвученных желаний, и мы поехали по магазинам.

Конечно, все успеть невозможно. Это просто нереально. Когда мы вернулись, перегруженные пакетами с едой и впечатлениями от предстоящих затрат на ремонт, уже темнело. Разделив обязанности на кухне, вместе приготовили ужин, покончили с ним, и я, наконец, получил возможность продолжить работу.

Время пролетело незаметно, и ближе к часу ночи, удовлетворенный результатом, я получил следующее.

5 октября 1791 г.

«Ехали шагом. За несколько верст от ночлега стало рассветать. Княжья карета остановилась. Сопровождающие выскочили из экипажей и окружили карету. Больной держал в дрожащих руках святую икону, везде и всегда его сопутницу, лобызал ее, обливал слезами, рыдал, взывая:

– Боже мой, Боже мой!

Несколько успокоившись, пожелал выйти из кареты и лечь на траву.

Его уложили на ковер, подложив под голову кожаную подушку. Князь лежал, ничего не говорил, стонал, но казался, однако же, покойнее. Смерть и тогда еще никому

не пришла на мысль. Так лежал он на траве, на чистом утреннем воздухе, под открытым небом. По небу бежали облака, что-то говорили окружившие его люди. Браницкая плакала, склонившись к голове князя. Рядом находились генерал-поручик Голицын, генерал-майор Львов и обер-кригскоммиссар Фалеев, доктора Тиман и Маскот, штаб-лекарь Санковский.

Так прошло три четверти часа...

Князь поднял взгляд на лекаря и прошептал:

– Спаси меня, я полцарства дам тебе.

Лекарь поднес к губам икону:

– Вот твое спасение...

Скоро затем, крепко и сильно вздохнув, князь вытянулся всем телом. Наступила полная тишина. Казак из конвойных первый сказал, что «князь отходит, и закрыть бы глаза ему». Графиня Браницкая, бросаясь на него, старалась уверить себя и всех, что князь еще жив, старалась дыханием своим согреть охладевшие уста.

Все искали по карманам имперIALа.

Тот же казак подал медный пятак, которым и сомкнули веки покойному.

Браницкая прижала руку покойника к губам, целуя».

Читать было тяжело. Буквы прыгали перед глазами – дорога была разбитая. За окном быстро темнело. Я за-

крыл папку и сунул ее в портфель. Вечером мы выехали из Ясс⁷ по направлению к границе и теперь, обгоняя армейские колонны и оставляя за собой шлейф пыли, приближались к мосту.

Шесть дней тому назад меня вызвал Зиверс⁸, и когда я после доклада секретаря вошел в кабинет, он закрыл эту самую папку, положив ее на массивную столешницу темного дерева.

– Послушайте, Эрих, – сказал Зиверс, поднимаясь из кресла, – у меня к вам интересное дело. Я знаю, вы любите такие дела.

– Какие – «такие»?

– Оставьте, я знаю вас давно – вы авантюрист. Впрочем, все мы авантюристы. Или... нет?

Я молчал.

Зиверс, обойдя стол, присел на его краешек и положил руку на папку.

– Помните Отто Рана⁹?

– Конечно. Какое-то время я помогал ему по катарам.

⁷ Город на северо-востоке Румынии.

⁸ Вольфрам Зиверс (нем. – Wolfram Sievers, 1905–1948). Управляющий делами «Немецкого общества по изучению древней германской истории и наследия предков» («Аненербе») с 1935 по 1945 год. Последнее звание – оберфюрер СС.

⁹ Отто Ран (нем. – Otto Rahn, 1904–1939). Немецкий писатель и исследователь, автор ряда книг, связанных с историей катаров и поиском Грааля, археолог-любитель, сотрудник Аненербе с 1936 г., последнее звание – оберштурмфюрер СС.

– Ну да, ну да... Ран был одержим своей идеей. Я хочу, чтобы вы взялись за это дело с таким же рвением и интересом, как он. Это, конечно, не Грааль, но... Мы сейчас сильны и успешны, и дела наши на востоке идут превосходно. Вы слышали последние сводки?

– Конечно.

– Так вот, с расширением нашего жизненного пространства мы должны расширять ареал наших поисков. Я хочу, чтобы вы ознакомились с содержанием этих бумаг и готовились в дорогу. Почитайте.

Зиверс протянул папку мне.

– Если возникнут вопросы, загляните к Вайгелю¹⁰, госпоже Шмидт¹¹. Она, кстати, готовит для вас дополнительный материал по этому делу, в общем, работайте, работайте. Три дня вам на ознакомление с документами – время не терпит. Потом зайдете ко мне. Свободны.

Я уже взялся за ручку двери, когда Зиверс сказал:

– Кстати, подумайте, кто из сотрудников вам понадобится – выбирайте разумно. Нам нужен результат. Только не набирайте целую команду, достаточно двоих,

¹⁰ Вайгель Карл Теодор (нем. – Karl Theodor Weigel, 1892–1953). Немецкий историк, рунолог, автор ряда книг по рунологии, член СС с 1936 г. Первоначально был заведующим сектором изучения символов учебно-исследовательского отдела Аненербе по письмам и символам, затем стал руководителем отдела. Последнее звание – штурмбанфюрер СС.

¹¹ Аннегрет Шмидт (нем. – Annegret Shmidt? – ?). Библиотекарь общества Аненербе. Местонахождение библиотеки – замок Оберайхльберг вблизи Ульма.

троих. Экспедиция будет потом, а пока – только разведка. Да, и будьте осторожны! Прифронтовая полоса, от случайностей никто не застрахован. В общем, не суйте голову в петлю, – Зиверс рассмеялся, – она нам еще пригодится... ваша голова. Все. Идите.

В своем кабинете я застал Янкуна¹², который удобно расположился на кожаном диванчике с чашкой кофе и свежим номером газеты в руках.

– Ну, что там Зиверс? – спросил Янкун, сворачивая газету, – задал вам задачу?

– Все туманно, я еще не ознакомился с делом.

– Ничего. Он звонил мне только что, сказал, чтобы я оказал вам содействие людьми. Примете решение – обращайтесь.

– Хорошо.

– Знаете, я подумываю об организации экспедиции в Крым. Восточные готы. Что скажете? – Янкун поднялся с дивана и сделал маленький глоток, продолжая рассматривать меня.

– Но мы еще не заняли Крым.

– Это вопрос времени. Вы, насколько я знаю, бывали в Крыму?

¹² Герберт Янкун (нем. – Herbert Jankuhn, 1905–1990). Немецкий историк и археолог, профессор, член СС с 1937 г., с 1938 г. – сотрудник Аненербе, заместитель руководителя, а с 1940 г. руководитель учебно-исследовательского отдела раскопок. Последнее звание – оберштурмбанфюрер СС.

– Да, в 20-х.

– Ну вот, с вами нам будет проще. Хорошо. Знакомьтесь с делом и обращайтесь.

Янкун бросил газету на диван и вышел, оставляя за собой запах свежесваренного кофе.

Проводив его взглядом, я расположился за столом, пододвинул ближе пепельницу, достал из ящика стола красный карандаш и начатую пачку сигарет. Помнится, русские говорят, что работу надо начинать с перекура. В папке лежали приблизительно двадцать машинописных страниц и несколько топографических карт с пометками. Отложив карты в сторону, я начал читать.

Поменяв местами некоторые фрагменты текста, я вставил вперед воспоминания Кнорринга, немного «олитературил» язык повествования и, перечитав затем то, что получилось, мягко говоря, пришел в восторг. Вообще-то чувство эйфории на меня накатывало еще в процессе перевода, но результат...

Ощущение было сходно с тем, когда на копе¹³, пробродив полдня или больше, впустую перебросав кучи земли, среди частых сигналов консервных банок и бесполезного шумурдяка¹⁴, вдруг ловишь устойчивый, хороший сигнал и, начав ко-

¹³ Сленг археологов-любителей. Соответствует понятию «раскопки».

¹⁴ Сленг археологов-любителей. Соответствует понятию «мусор», «находка, не представляющая интереса».

пать, находишь интересную или редкую вещь, такую, какой у тебя еще не было.

Пробежав по тексту глазами еще раз, я испытал сильное желание немедленно выучить немецкий язык, чтобы прочитать все эти неполные пятьсот страниц сразу. Возможно, так бы и случилось, знай я его... этот немецкий язык.

Когда я получил выписанную из США книгу Дэвида Гланца¹⁵ «Red Storm over the Balkans», я читал ее везде, где только можно, даже в машине, стоя в пробках. Что интересно: раньше я никогда не покупал подобные книги на языке оригинала, и когда в первый раз открыл и пролистал «Red Storm...», состояние было аналогичное тому, которое присутствовало сейчас. Признаюсь – я даже растерялся, хотя изучал английский и в школе, и в институте, и на курсах. Даже при всем этом я не был уверен, что справлюсь. Два дня я обращался к словарям, находя специфичные слова, характерные для военной литературы, но потом вдруг все пошло само собой. Читать стало легко – как обычную книгу на русском языке. Просто было интересно. Просто хотелось прочитать. Я ее «проглотил», эту книгу.

Вот и теперь, вернувшись к страницам оригинального текста, я просматривал их снова и снова, листал, искал названия знакомых с детства мест, и этот документ интересовал меня

¹⁵ Дэвид Гланц (англ. – David Glantz, 1942 – настоящее время). Полковник американской армии, военный историк, издатель журнала The Journal of Slavic Military Studies, автор книг по истории второй мировой войны, специализирующийся на событиях Восточного фронта.

все больше и больше. Вроде как купил «кота в мешке», а тут оказывается все гораздо интереснее.

В общем, с каждым найденным знакомым населенным пунктом я все больше утверждался в правоте своего решения, созревшего в разговоре с Кириллом – разбить документы на части, что-то переводить самому, а что-то доверить специалистам.

Исходя из цены даже в 10 долларов за страницу и свободных наличных денег, я смог бы уже на следующий день заказать перевод двадцати страниц, но сначала надо было отдать Кириллу его гонорар, а это значит, что пока придется поработать самому. На все средств не хватит. Однако все же следовало побывать у магазина «Нумизмат» – просто присмотреться. А если все сложится удачно, и найдется переводчик по сносной цене – деньги можно, например, снять с кредитной карточки. Или занять. В общем, будет день – будет пища.

Эпизод 2. Магазин «Нумизмат»

Суббота, утро – дорога практически свободна. Путь от Боровского шоссе через Ленинский проспект до площади Гайдариной, затем съезд на третье кольцо на Волгоградку и до Таганской площади занимает чуть более сорока минут. Судя по навигатору, Гончарный переулок где-то совсем рядом. Вообще-то я неоднократно бывал здесь, но никогда не обращал внимания ни на скопление людей у магазина, ни на вывеску «Нумизмат». Просто это не было мне нужно. Кроме того, до вчерашнего дня я и не знал, что в Москве есть такой магазин.

Двигаясь уже пешком, я свернул за угол и увидел зеленую вывеску, а рядом – группы людей, сидевших, стоявших, разговаривавших у парапета и ограды, возле разложенных на импровизированных столах коробочек, папок и альбомов для монет. Даже при такой скверной погоде народа было достаточно много. Заняв позицию у светофора, я закурил и решил присмотреться к процессу торговли и обмена. Толпа постоянно находилась в движении. Люди переходили от столика к столику, от парапета к ограде и обратно, рассматривали, спорили, что-то обсуждали. Я курил, размышляя, как же быть дальше. Мне нужен переводчик, но что ему делать среди нумизматов?

Не успел я выкурить и полсигареты, как ко мне подошел мужчина примерно 35 лет:

– Чем интересуетесь?

Я даже как-то растерялся от этого неожиданного внимания к себе.

– Да так...

– Продаете или ищете чего?

– В общем, да, ищу, но не монеты.

– Карточки, жетоны?

– Нет.

– И что же?

Я уже пожалел, что вступил в разговор. Было бы глупо сказать, что мне нужен переводчик. Действительно, что делать переводчику у магазина «Нумизмат»? Вот уж точно – бред какой-то...

Он стоял и ждал. Затянувшись сигаретой, я, наконец, произнес:

– Вообще-то меня интересуют книги времен второй мировой войны, оригинальные, на немецком языке.

(Это первое, что пришло мне в голову.)

– Книги? – мой собеседник удивленно хмыкнул, – так вы не по адресу. Книги в Олимпийском, а здесь нумизматика.

– Но... мне посоветовали... сюда.

– Вас обманули, – с этими словами, потеряв, видимо, всякий интерес ко мне, он развернулся и направился к толпе у магазина.

Я продолжал курить, наблюдая за ним. Мужчина подошел к человеку, наливавшему из термоса чай, наверное, к своему

товарищу, что-то сказал ему – тот бросил на меня взгляд и, покачав головой, продолжал подготовку к чаепитию.

Вот идиотское положение! Я достал телефон, хотел, было, позвонить Кириллу, но передумал и, подержав его в руке, снова сунул в карман. Урны как назло рядом не было, и мой окурок полетел к углу дома, где в коробке из-под обуви лежали пустая пивная бутылка и грязная пачка из-под сигарет. Оторвавшись от светофора, я направился в толпу, решив, что если уж приехал сюда, то хотя бы погляжу, чем торгуют люди.

Не знаю, как там бывает обычно, но у меня создалось впечатление, что большинство продавцов давно друг с другом знакомы и ходят сюда как на работу. Конечно, встречаются отдельные граждане, не относящиеся к компании местных «старожилов», и их появление вызывает живой интерес у перекупщиков, подобных тому, что подходил ко мне у светофора. По всей вероятности, меня приняли за одного из таких неопытных новичков. Перекупщики «фильтруют» их коллекции, пытаясь найти наиболее интересные экземпляры, предлагая при этом низкие цены. Но вот если вы захотите что-либо купить, то, скорее всего, цена продажи будет высока. Такой вот «бульон» из завсегдатаев, интересующихся, грамотных покупателей, понимающих и знающих цены, и залетных – таких, как я, «варился» на углу Гончарной улицы и Гончарного переулка. Зеленая вывеска магазина привлекала неопытных коллекционеров, на пути которых появился

стихийный рынок. Его участники покупали, продавали, меняли один товар на другой, отсекая посетителя от организованной торговой точки.

Я иногда останавливался у лотков и рассматривал монетки, отвечая на стандартный вопрос: «Чем интересуетесь?». Стандартным ответом: «Просто смотрю», и, в конце концов, добрался до самого магазина. Внутри, за оконными стеклами текла совсем другая жизнь, спокойная и размеренная. Три посетителя, склонившись над прилавками, рассматривали товар, четвертый беседовал с продавцом. Сделав кружок по залу и поглазев на витрины, я снова вышел на улицу с твердым намерением уехать домой по причине полной бесполезности этого моего «похода».

На выходе из «толкучки» передо мной появился человек с термосом, тот самый, который во время нашей беседы с его напарником у светофора заваривал чай, но теперь он был один.

– Интересуетесь книгами? – спросил он, наливая себе очередной стаканчик чая.

– Есть немного... Что можете предложить?

– Много чего. А что вас конкретно интересует по немцам?

Хороший вопрос! Я не был готов к нему, поскольку толком не знал ни одного автора и ни одного названия книг этого периода. В голове крутились только «Майн Кампф» Гитлера, Клаузевиц без названия – только и всего...

Я достал сигарету, прикурил от любезно предложенной

собеседником зажигалки и вспомнил:

– Ну, вот, например, Ханс Киссель, «Катастрофа в Румынии. 1944». Оригинальное издание.

– Киссель не издавался во время войны, – он отхлебнул из стаканчика, – это книга послевоенная.

– Знаю. Издание 1964 года. Просто давно искал. Давайте начнем с этого. Ну, так что скажете?

– Я посмотрю у себя, – ответил он уклончиво, – оставьте телефон – перезвоню на неделе.

– Скажите свой номер, я наберу – и вы запишете в память мой телефон.

– Я свой дома забыл. Давайте так – просто напишите мне свой номер, хорошо? Минутку...

Он поставил стакан на парпет, открыл потертый портфель и, порывшись в нем, протянул мне замусоленный блокнот и ручку. Я записал телефонный номер одного из моих мобильных, которым не пользовался уже несколько месяцев.

– Простите, как вас зовут?

– Владимир, – он взглянул на написанный мной номер. – Но предупреждаю – старые книги стоят дорого, вы понимаете, да?

– Назовите цену, покажите книгу – поторгуюсь.

– Хорошо. Я позвоню вам, – он взял с парпета стаканчик с чаем, – на этой неделе.

– Договорились.

Мы распрощались, и я направился к машине, сомневаясь, правильно ли поступил, оставив незнакомому человеку номер своего телефона. Да черт с ним! Там денег все равно мало, ну, выключу, если что, или заблокирую. Не трагично...

Поворачивая в Гончарный переулок для съезда на Садовое кольцо, я непроизвольно взглянул на то место, где мы беседовали с Владимиром. Он стоял ко мне спиной и... разговаривал по мобильному телефону. «Вот жук! – подумал я, – а мне сказал, что телефон дома забыл». Неприятное чувство обманутого человека преследовало меня до самого тоннеля под Ленинским проспектом. Здесь движение стало плотнее, и я свернул на съезд в область.

Долго гремя ключами, я, наконец, открыл дверь и зашел в квартиру. В коридоре у входа в спальню стояла Катя, растрепанная, немного заспанная.

– Где ты был? Я только что проснулась, – сказала жена, картинно потупившись.

– На Таганке.

– А что ты там делал?

– Надо было встретиться с человеком.

Она растянула на себе на манер юбочки красную пижаму с котами:

– А я все спала, спала, проснулась – тебя нет. Мы с кошенькой спали бы дальше, но тут услышали, что ты пришел. Хочешь поесть? Только вот я ничего не готовила, – она вздохнула и состроила детскую рожицу, выпятив нижнюю

губу.

Эта пижама с котом, кошкой и тремя мелкими котятами, бредущими гуськом, детское поведение и босые ноги в пижамных брючках просто выбивают из колеи.

— Ну, сейчас что-нибудь придумаем, — я направился в ванную мыть руки.

Если хочется быстро перекусить, то (как вариант) можно разбить в глубокую тарелку пару сырых яиц, добавить молока, тщательно все это перемешать и положить в тарелку белый хлеб, нарезанный небольшими ломтиками. Даем хлебу пропитаться смесью и жарим на сковороде с хорошим куском сливочного масла. Но только так, чтобы масло не перегорело, а готовый продукт получился с корочкой. Чашка чая, но лучше кофе с молоком будет хорошим дополнением к блюду. Нас обоих это устроило.

— Что будем делать?

— Мне надо поработать с бумагами, — я встал из-за стола, складывая тарелки в раковину.

— Опять немцы? — Катя вздохнула, — хочешь, я тебе помогу?

— Интересно, каким образом?

— Я в школе учила немецкий. Может, надо что-то перевести?

— Да ладно, ты же не помнишь ничего!

— Ну, что-то все же помню.

— Нет, не надо. Я сам.

– Ну, тогда я сварю борщик. Хочешь борщик? Кстати, у нас есть свекла?

– Вот это хорошая мысль! Вроде была. А что со сметаной? Она открыла холодильник, осмотрела полки:

– Сметаны нет. Надо купить.

– Ладно, пойду за сигаретами – куплю.

На часах – начало первого. Засев за ноутбук, я опять погрузился в процесс обработки, редактирования и перевода. Ближе к шести вечера, после чистовой правки у меня получилось следующее:

Итак, мы ищем некий предмет, описание которого весьма скудно. Все, что мне удалось выяснить за несколько дней, что предшествовали отъезду, дает некую зацепку, но не гарантирует успеха. И сейчас, когда мы уже подъезжали к мосту через Прут, я пытался вновь и вновь выстроить в логическую цепочку все факты, которые мне удалось получить, в том числе, в библиотеке замка Оберайхльберг.

Мост был разрушен, и колонна машин, замедляя движение, выстраивалась в очередь, чтобы пересечь реку. Даже обгоняя колонну, мы, с приближением к границе, все чаще притормаживали по требованию патрулей для проверки документов. Все это, и в дополнение – плотно дороги, становившейся все хуже и хуже с приближением к Пруту, серьезно замедляли наше движение. Уже на

подъезде к наведенной рядом с разбитым мостом переправе, нас остановила жандармерия для очередной проверки. Унтер-офицер с блестящей бляхой-нагрудником просмотрел документы, заглянул через открытое окно водителя в машину и, увидев нас троих, извинился, отдав честь. Движение колонны было остановлено, и наша машина, подсакивая на досках понтонов, пересекла бывшую границу вне общей очереди. Мы въехали в Бессарабию.

21 июля 1941 г.

К 11 часам вечера переехали через Прут. Мост взорван, но саперы навели переправу рядом и занимаются его восстановлением. Наш пропуск производит впечатление!

Въехали в Скулень. Населенный пункт разрушен. Русские упорно сопротивлялись. Обочины полны битого кирпича, кусков глины, дерева. Продвигаться вперед тяжело – дороги забиты техникой и солдатами, мы направляемся на восток!

Остановились у коменданта. Ужинали. Комендант угощал вином и провозглашал тосты за победу, за священный союз против большевиков. Конечно, это не французское вино, но тоже неплохо.

Жизнь на дорогах начинается с наступлением темноты. Плотность движения возрастает, а днем пада-

ет. Причина проста – русская авиация максимально возможно противодействует нашему продвижению. Сегодня на переправе весь день мешали авианалеты. Именно это и стало одной из причин вечернего затора при подьезде к реке. Конечно, и наша, и румынская ПВО работают отлично, русские несут потери, но надо отдать должное – смелости и напора их пилотам не занимать.

22 июля 1941 г.

Выехали из Скулень после 15.00. Двигались без происшествий до самого вечера. Ночевать решили в Тодирешть – так спокойнее. Несмотря на то, что наши и союзные войска продвинулись достаточно далеко, на дорогах бывают инциденты со стрельбой.

На ночлег устроились снова в комендатуре. Ближе к часу ночи я проснулся от криков. Внизу, перед крыльцом, в свете фонаря увидел русского, которого конвоировали два румына. Русский был в грязной гимнастерке, без ремня и головного убора, сапоги серые от пыли. Дежурный румынский офицер сначала кричал на него, потом пошли в ход кулаки. Я сделал еще несколько затяжек и не стал смотреть дальше – бросил сигарету и ушел спать.

Однако интересная штука получается. Судя по всему, немец получил задание что-то найти, и если я не ошибаюсь, он искал это в Бессарабии. Во всяком случае, похоже на то. Здесь и далее в бумагах встречались названия населенных

пунктов, которые я знал, в которых бывал, о которых читал или когда-либо находил на старых картах. Да и люди, отправившие его в экспедицию, тоже были сами по себе интересные.

Вольфрам Зиверс – глава Аненербе.

Роберт Янкун – в той же организации руководил учебно-исследовательским отделом по раскопкам.

Если фамилии первых двух были у меня на слуху, то вот что касается Аннегрет Шмидт – ее я встретил впервые. После некоторых поисков выяснилось – эта дама была библиотекарем Аненербе, а труднопроизносимое название замка, где располагалась библиотека «Наследия предков», пришлось исправить – в написании его я ошибся.

Словом, компания – что надо. Очевидно, наш «герой» Эрих Эйке из той же структуры. Сказать кому-нибудь, что мне достался дневник офицера Аненербе с записками по Бессарабии – никто не поверит! Я сделал несколько нервных кругов по лестничной площадке, выбросил сигарету в консервную банку на окне и сбежал вниз. Нужен переводчик!

В связи с новой задачей в голову приходили разные идеи. Большие города из поиска в данном случае следует исключить – там уровень жизни выше, следовательно, и цены на услуги переводчиков недешевы. Для мен я предпочтительны либо российская глубинка, либо ближнее зарубежье, например, Украина или Молдова, еще лучше – Приднестровье. Учитывая, что уровень зарплаты там около трехсот «зе-

ленных» в месяц, наверняка можно найти подходящего специалиста по сходной цене. Скажем так, цена за страницу в диапазоне от 6 до 8 долларов была бы для меня приемлемой, но вопрос вот в чем – смогут ли гражданские переводчики справиться с весьма специфической тематикой – военными документами? К письму-запросу следовало бы приложить образец текста, а там – увидим.

Я зарядил в поисковике «переводчик с немецкого» и получил несколько десятков страниц предложений, причем на первых позициях в результатах были автоматические переводчики. Значит, необходимо сменить словосочетание для поиска. После нескольких вариантов, результатом которых опять оказались в основном переводческие программы, я решил акцентировать внимание на индивидуальных услугах, попробовав в Яндексе следующий запрос: «Частные услуги по переводу текстов на немецком языке». Полученный результат был значительно лучше. Добавив «в Тирасполе», я выбрал, как мне показалось, несколько наиболее подходящих адресов, и направил по ним письма, приложив к каждому по странице дневника.

Эпизод 3. Сергей Николаевич

К середине марта главный санитарный врач империи сообщил через посредников, обычно только так оно и происходит, что эпидемиологическая обстановка в Москве улучшилась. Вероятно, ему виднее, там, за пределами нашего суетного мира, но я этого улучшения не заметил. Жена жаловалась, что в метро все кашляют и чихают, сморкаются в бумажные одноразовые платочки, а я, оторванный от толпы в своей машине, как-то не очень придавал этому значения.

В конце месяца у меня начался насморк, потом запершило в горле, и я даже испытал, каюсь, чувство вины, подпортив уже почти безоблачную статистику Минздрава. К вечеру поднялась температура – значит, лучше посидеть дома несколько дней, чем болеть еще недели полторы или две. Утром я отзвонился руководству, проинформировал о болезни, и на предложение: «Ты уж, давай, лечись» сообщил, что на это мне потребуется, вероятно, дня три или четыре. Жена ушла отбывать за деньги рабочий день, а мы с Маруськой продолжали дремать каждый на своем месте – я на кровати, а она на кресле, удобно свернувшись калачиком и прикрыв мордочку хвостом.

Проснувшись ближе к полудню с совершенно забитым носом – состояние дискомфорта просто не позволяло больше спать (уже надо было лечиться), я оделся и побрел на кухню

греть чай.

В моем случае нос лучше всего «пробивается» отринином с ментолом и эвкалиптом – по два впрыска в каждую ноздрю, и чувствуешь себя уже почти «как новенький». Большая кружка чая с медом, который желательно есть ложками, и таблетка парацетамола – спустя какое-то время после этого можно жить...

Забравшись в постель, я долго щелкал пультом телевизора, перебирая, что бы посмотреть. В конце концов, остановился на телеканале «Звезда», где шел старый советский фильм про войну, улегся поудобнее и уснул.

Телефонный звонок вытащил меня из сонной пустоты. Рингтон звучал где-то далеко, и я сначала боролся, пытаюсь заглушить его, укрывшись с головой одеялом, но потом вдруг понял, что это звонят мне, и сорвался с кровати, толком не соображая, чего вдруг я так вскочил. Телефон заливался где-то на кухне, и я подхватил его,двигающийся от вибрации по столу. Номер был мне незнаком.

– Алло? – я пытался прийти в себя и навести порядок в мыслях после экстренного пробуждения.

– Здравствуйте.

– Да, добрый день.

– Я звоню от Владимира. Вас по-прежнему интересует Киссель, «Катастрофа в Румынии»?

Какой Киссель?.. Мысли с трудом приходили в порядок. Какой Владимир?..

– Киссель? – я, наконец, понял, о чем речь. – Да, конечно!

– Хорошо. У меня есть оригинал. Состояние, правда, не идеальное, но сами понимаете, эта книга встречается нечасто. Тираж небольшой, 1964 год.

– Я могу посмотреть?

– Конечно.

– Простите, как ваше имя?

– Сергей Николаевич, я не представился, извините. А вы, кажется, Игорь?

– Да, верно. Вот что, Сергей Николаевич, я сейчас не в лучшей форме – немного приболел, а если мы встретимся дня через три, – предложил я, взглянув на календарь, – например, в субботу?

– Нормально. Значит... – возникла пауза, а затем Сергей Николаевич задумчиво произнес, – это будет 24 марта. Где встречаемся?

– Предлагаю в «Шоколаднице», на Юго-Западной. Выход из последнего вагона метро налево, затем опять налево – рядом с «Макдоналдсом». Удобно?

– Вполне. Давайте к 12 дня.

– Давайте. Контрольный звонок в пятницу вечером?

– Идет.

– Возьмите книгу с собой. Я хочу посмотреть.

– Само собой!

– Кстати, сколько вы за нее хотите?

– Двести пятьдесят долларов.

- Хорошо. Я посмотрю и на месте приму решение.
- Договорились.
- Спасибо за звонок!
- Выздоровливайте.

Глядя на трубку, я подумал: «Кирилл был прав. Нет ничего невозможного». Правда, с переводчиком не получилось, но ни с того ни с сего нашлась давно искомая книга. Конечно, платить за нее 250 долларов я не был готов, но если дешевле... Эту книгу я искал давно, вопрос только в том, где взять деньги. Разве только снять с карточки?..

Окончательно проснувшись, я включил ноутбук – внезапный звонок вновь пробудил интерес к дневнику немца.

Перекочевав на кухню и найдя распознанные несколько недель назад файлы со страницами записей, я приготовил новую порцию чая с медом и принялся за работу.

Пока Генрих и Отто играли на заднем сиденьи в дорожные шахматы, я, сидя рядом с водителем, смотрел на дорогу и думал: «Почему мне все это интересно. Есть ли в этом некий смысл, ради которого работает вся та структура, сотрудником которой я являюсь?

Извечно нас окружает нечто непонятное, неизведанное, скрытое завесой тайны, которую мы стараемся приоткрыть, чтобы понять смысл и направить силу вновь полученных знаний в нужное нам русло. Именно – нужное нам.

Прошлое, несмотря на бесконечные поиски ответов на возникающие вопросы, дает лишь отдельные фрагменты, складывая которые мы пытаемся получить законченную картину, удобную для восприятия. Логика построения этой картины напрямую связана с общепринятыми представлениями о жизни и ее законах, ценностях, и если что-то не укладывается в наши представления – мы пытаемся адаптировать это «что-то» – додумать, найти ему место, установить некие связи таким образом, чтобы это воспринималось логично. Логично с нашей точки зрения и с позиции общества, в котором мы живем, с его принципами и моралью. В этом, вероятно, наша главная и постоянная ошибка.

Моя организация освободила нас от каких-либо догматов.

Свободное творчество наиболее продуктивно, поскольку нестандартные решения, подчас совершенно алогичные для общепринятых представлений, могут давать потрясающие результаты.

Шлиман¹⁶ нашел Трою по Гомеру. Легенды несут в себе

¹⁶ Иоганн Людвиг Генрих Юлий Шлиман (нем. – Johann Ludwig Heinrich Julius Schliemann, 1822–1890). Немецкий археолог-любитель. Составил огромное состояние торговлей. В 1863 г. оставил коммерческую деятельность и занялся отысканием мест, упомянутых в гомеровском эпосе. В 1869 г. высказал предположение, что местонахождением Трои является холм Гиссарлык в Малой Азии. Раскопки 1870–1873, 1878–1879, 1882–1883, 1889–1890 годов подтвердили гипотезу Шлимана. Он доказал, что гомеровский эпос имеет солидную фактическую основу.

зерно правды.

Вирт¹⁷, продолжительное время занимаясь народными обычаями, обрядами, анализом фольклора, пришел к выводу, что все известные нам с детства сказки – вариации древнейших мифов. Все это – наследие изначальной религии народа, населявшего прародину современного человечества. Менялись боги, их имена, и изначальное, пересказанное и переписанное многократно, переведенное на другие языки, также меняло свой смысл, а иногда и содержание. Но согласитесь, ведь что-то за всем этим было, что-то легло в основу легенд – какое-то действительное событие, достойное того, чтобы его записать.

Вот так и с нашим заданием. Происходило ли все это на самом деле или, может, чей-то вымысел? Сомневаюсь ли я в том, что задание, которое мне поручено, может принести результаты? Откровенно – да. Ран тоже определил место поиска совершенно не научным методом. Монсегюр... Кто бы предполагал? Кроме того, изначально считали, что это чаша, но в конце концов все было переосмыслено. Возможно, что-то подобное ждет и нас, и не будет никакого предмета.

Сегодня мы встали рано, где-то около 6 утра. Води-

¹⁷ Герман Вирт (нем. – Herman Wirth, 1885–1981). Учёный, этнограф, специалист по древние религиям, символам и языкам. Один из основателей и первый руководитель Аненербе с 1935 по 1938 год. В 1938 г. по идеологическим разногласиям с Гиммлером был уволен из Аненербе, при этом продолжал сотрудничество с организацией вплоть до ее ликвидации в 1945 г.

тель уже был на ногах и возился возле машины, ковыряясь в моторе.

Легкий завтрак из пары яиц всмятку, свежих помидоров, брынзы, зеленого лука, бутербродов с маслом и кофе был по-деревенски прекрасен. Комендант настаивал на рюмке-другой сливовой цуйки¹⁸, но мы отказались – только начало восьмого, а воздух уже горячий – значит, днем будет пекло. Какая к черту цуйка?!

Пока Отто и Генрих контролировали погрузку багажа в машину, я приготовил зеленый чай в термосе и вышел к ним, закуривая первую за этот день сигарету. Водитель уже запустил двигатель, мои коллеги расслаживались по местам, а под фонарем, где вчера били русского, румын с лопатой засыпал землей темное пятно.

Достав из планшета карту, я разложил ее на крыле машины и показал водителю маршрут движения. Направление – Темелеуць.

23 июля 1941 г.

Наш путь лежал в Темелеуць. Это первое место, которое следовало посетить. Точнее, сам населенный пункт нам не интересен, нужно осмотреть место смерти Потемкина. Это недалеко от селения Редень.

Разбитая дорога, особенно от Тодирешь до Лидовки. Ехали, не спеша. От Лидовки и дальше – несколько луч-

¹⁸ Фруктовая водка, для приготовления которой обычно используют сливы.

ше. Памятник я видел только на старой фотографии, которая лежала в деле. Интересно, каков он воочию.

Нас в машине четверо, а еще – стрелки на двух мотоциклах сопровождения. Перед машиной и позади неё. Не завидую этим мотоциклистам. Несмотря на жару и всепроникающую пыль, у нас в машине все же относительный комфорт, а они вынуждены к тому же париться в своих плащах.

К обеду мы были на месте.

Если Генрих прилетел из Берлина вместе со мной, то Отто я забрал уже в Румынии. Они там искали руны, точнее, древние рунические символы. Я был там в 1938-м, навещал Альтхайма¹⁹ и уже тогда отметил его, Отто, как грамотного специалиста. Он участвовал в экспедициях Вирта и считал его своим учителем, впрочем, тот тоже неплохо о нем отзывался. Отто был убежденный атеист. Современных богов он не признавал, а Библию считал искаженным переводом древних текстов, адаптированных под те цели, ради которых император Константин и сделал религию государственной. Поклонник Ницше²⁰, Отто был уверен в том, что у

¹⁹ Франц Альтхайм (нем. – Franz Altheim, 1898–1976). Немецкий историк и филолог, профессор, руководитель учебно-исследовательского отдела древней истории. Один из участников экспедиции Аненербе на Ближний Восток в 1938 г.

²⁰ Фридрих Вильгельм Ницше (нем. – Friedrich Wilhelm Nietzsche, 1844–1900). Философ, профессор классической филологии Базельского университета. Автор «философии жизни», поэт. Работы Ницше способствовали созданию обра-

любого человека нет predetermined судьбы – он сам формирует ее линию, создает свое будущее. Впрочем, я тоже не верю в бога.

Рунами у нас занимались давно, а учебно-исследовательский отдел по письмам и символам был создан в июле 1935-го и стал первым научным отделом в Аненербе. Вирт руководил отделом с его основания и до тех пор, пока не договорился до того, что чистой расы быть не может. Даже – нет, он не «договорился», просто выводы были сделаны, исходя из логики его рассуждений. Вирта, как и Рана не столько интересовали вопросы прикладного применения результатов тех исследований, которые они проводили, сколько само исследование и поиск истины. Ран искал Грааль, потому что верил в него, Вирт искал ответ на другой вопрос – о связи рун и праязыка древних ариев. Если есть знаки – значит, должен быть язык. А если знаки присутствуют на всех частях континента, значит, язык у древних жителей Земли был общий. И как теперь быть с расовой теорией? Нет, не любят у нас ошибочных выводов.

Но самое главное, что значительно повлияло на дальнейшую деятельность института – это то, к чему пришел Вирт в результате своих исследований.

за сверхчеловека, культ сильной личности, индивидуалистически преодолевающей мир вне всяких моральных норм в сочетании с романтической идеей «человека будущего», оставившего позади современность с её пороками и ложью.

«Бог творит, мысля», – так сказано древними.

А это значит – Знание и Бытие – неразделимы. Поэтому понять и создать – это одно и то же.

Если отвлечься от понятия Традиции, как совокупности исторических фактов, и рассматривать ее как сущность, которая выше времени и пространства, то тот, кто сумеет открыть ее секреты, изменится не просто в смысле знаний, но преобразится внутренне. В определенном смысле – это прорыв. Нарушение принципов материализма. Именно поэтому надо искать древние артефакты, чтобы, используя их силу, изменить мир. Точнее, изменить этот мир под себя и для себя.

И мы ищем.

Отто был не только учеником Вирта, но и, подобно Вирту, был свободен от предрассудков. В то же время, будучи прагматиком, он, видимо, искусно уходил от обсуждения вопросов о верности теории своего учителя относительно единства праязыка, а может быть, и высказал свое мнение по этому вопросу, «правильное» мнение, иначе не остался бы в институте. Впрочем, это не принципиально. Просто он знал свое дело, и знал хорошо. Именно поэтому мой выбор пал на него. Посмотрим, оправдаются ли мои надежды.

Мое состояние улучшалось. Еще бы! Бесконечный горячий чай с медом, ингаляции, отказ от курения и совсем

немного простейших лекарств сделали свое дело. Ближе к вечеру я был уже готов к встрече и, отзвонившись Сергею Николаевичу, подтвердил намерение увидеться в субботу, в 12 дня в «Шоколаднице».

Вечером, смыв с себя в душе грязь болезни, я капнул в чай коньяка и, смакуя этот божественный напиток, снова перечитал весь ранее переведенный текст. Определенно, в этих, попавших ко мне документах, скрыта какая-то интрига, хотя картина по-прежнему была еще туманной. Впрочем, дневник большой, и время ответов на возникшие вопросы, конечно же, придет. Вот только без грамотного переводчика тут действительно не обойтись.

До Юго-Западной недалеко, и мне хватило 15 или 20 минут, чтобы добраться. Погода была почти весенней, асфальт в основном чист ото льда, снег лежал только на газонах, но все еще невысокая температура не давала ему таять. Я поднимался в горку, к проспекту Вернадского, а слева, за будкой «Макавто» заигрывали друг с другом, скорее всего, студенты. Ребята пытались поймать девчонок, те со смехом отбегали, уворачиваясь. Яркая их одежда настолько контрастировала с черными, коричневыми и просто мрачными тонами одежды основной массы спешащих куда-то людей, серо-матовым небом, что казалось – эти ребята нарисованные, не настоящие в этом городе. Когда я подошел к «Шоколаднице», один из парней наконец-то поймал девушку, обнял ее, а та, громко смеясь, делала вид, что вырывается.

В дальнем углу кафе я заметил свободный столик – удобное место для приватной беседы. Часы показывали без 10 минут полдень. Бросив портфель на соседний стул, я достал телефон, пачку сигарет и зажигалку.

– Будете что-нибудь заказывать? – девушка с восточной внешностью положила на столик меню.

– Капучино, пожалуй...

– Стандартный? С корицей, карамелью?

– С корицей. И пепельницу принесите, пожалуйста.

Повторив заказ, она удалилась.

Я закурил и осмотрел зал. Маловато как-то посетителей. Обычно здесь почти все места заняты. Может, потому что сегодня суббота – народ разъехался из города, может, поэтому?

Входная дверь открылась, и на пороге появился невысокий мужчина, лет шестидесяти, с сумкой для ноутбука через плечо, в черном пальто, шапке-ушанке (странно, на улице совсем не холодно), с шарфом, повязанным петлей на шее. Он оглядел зал, увидел меня и начал присматриваться. Я поднял руку, кивнул. Рассеяно поздоровавшись с официантами, мужчина подошел к столику и спросил:

– Вы Игорь?

– Да. А вы, как я понимаю, Сергей Николаевич.

– Точно, – снимая пальто, он огляделся в поисках вешалки.

– Положите рядом, на свободное место, – сказал я. – Ве-

шалка почти у входа – это неудобно.

– Согласен, – произнес он задумчиво и, выдержав небольшую паузу, положил пальто.

– Что желаете?

– Чай. Здесь же подают чай?

– Конечно, – я сделал знак официантке, – какой чай предпочитаете?

– С лимоном, если можно.

Девушка подошла к нам, доставая блокнот и ручку.

– К моему капучино еще чай с лимоном, будьте добры...

И пепельницу я просил...

Посмотрев на кончик сигареты, на котором повис почти полуторасантиметровый пепел, я спросил Сергея Николаевича:

– Вы курите?

– Покурываю. Трубкой балуюсь. Табак трубочный, знаете ли, сейчас очень хорош...

– Вне всяких сомнений. Я сам одно время грешил.

– Кстати, – он достал из сумки предмет, завернутый в плотную бумагу, – вот ваша книга.

Я взял пакет и развернул упаковку. «Hans Kissel. Die Katastrophe in Rumanien, 1944». Серый картон обложки с красной вертикальной полосой и матерчатым переплетом. Darmstadt, 1964. Электронная копия этой книги, полученная из США через знакомых, почти год хранилась у меня в компьютере. Тогда я заплатил за нее 150 долларов. Сейчас за

оригинал просили на сотню дороже.

– Откуда она у вас, если не секрет? – я полистал книгу и на одной из страниц увидел желто-коричневое продолговатое пятно.

– Пепел упал, – Сергей Николаевич посмотрел на меня серо-голубыми глазами, – я тогда еще курил сигареты. Эта книга из моей коллекции. Просто у меня два экземпляра. Видите экслибрис на первой странице?

Я открыл первую после обложки страницу. Над эмблемой издательства стояла овальная печать экслибриса с двумя скрещенными мечами и надписью по овалу: «*Si vis pacem para bellum*²¹. Коваленко С.Н.».

– Оригинально. Так, значит, вы коллекционируете книги?

– Да. Но только по военной тематике. История, теория и практика. Я сам бывший военный.

Наконец, мне принесли капучино и пепельницу, а моему собеседнику – чай с лимоном. Сделав несколько глотков кофе, я начал осмотр книги с конца. Знакомые карты-схемы были на месте.

– Так сколько вы хотите за нее?

– Двести тридцать, – он посмотрел на книгу и достал носовой платок.

– Двести, и я беру.

²¹ «Хочешь мира – готовься к войне» – латинская фраза из сочинения Корнелия Непота (94–24 гг. до н. э.) – «Эпаминонд», V, 4: *Paritur pax bello*. («Мир создается войной»).

Сергей Николаевич промокнул нос и, аккуратно сложив платок, сказал:

– Двести десять.

Я рассмеялся.

– Сергей Николаевич, десять долларов играют существенную роль? Я предлагаю вам круглую цифру. Электронная копия этой книги у меня уже есть – просто хотелось получить оригинал. Двести. Давайте двести прямо сейчас, рублями по курсу.

– Хорошо, – он больше не спорил.

Я достал из кармана кредитку и направился к банкомату. Через несколько минут Сергей Николаевич пересчитал деньги и, спрятав их в карман, принялся за остывающий чай.

– И много у вас книг? – спросил я, возвращаясь к остывающему капучино.

– У меня хорошая коллекция. Есть всё – наши издания, англичане, американцы, немцы, другие страны.

– Вы просто собираете? Или...

– Я их читаю, – он удивленно взглянул на меня. – Какой смысл просто собирать книги? Чтобы хранить на полках?

– Так вы читаете на немецком?

– Не только.

– Послушайте, – я отодвинул полупустую чашку и полез в портфель. – У меня есть кое-что, и мне нужна ваша помощь. Хотите еще чаю?

– Можно. Признаться, я продрог и чувствую себя не луч-

шим образом. Погода дрянная.

— Да, весна затягивается, — я достал десяток страниц дневника, распечатанных на принтере, — посмотрите это.

Он полез в карман за очками.

— Будьте добры, — я поймал проходившую к соседнему столу официантку, — принесите мне еще капучино и чай с лимоном — моему коллеге.

— Может быть, мед? — предложила официантка.

— Отлично! И мед давайте, — я повернулся к Сергею Николаевичу.

Надев очки, он внимательно читал текст. Я опять закурил, откинувшись на спинку стула. Ему, скорее всего, за 60. Конечно, не молод, но держится хорошо.

У меня заканчивался второй капучино, а он, рассеянно поболтав ложкой в своей чашке, продолжал читать.

— Где вы это взяли? — наконец отложив последнюю страницу, он посмотрел на меня поверх очков.

— Вы собираете книги, я — документы. Это один из них.

— Это — фрагмент, я правильно понял?

— Верно. Документ достаточно объемный, но поскольку я не владею немецким, мне нужен переводчик. Обращаться на сторону я не хочу. Видите ли, текст здесь специфический, содержит аббревиатуры, сокращения, характерные для военных документов. Я прошу вашей помощи в переводе. Конечно, по разумной цене. Что скажете?

Он задумчиво взял ложечкой мед, отпил чай:

– Уже остыл... Хорошо. Я не буду завышать цену. Скажем, восемь долларов за страницу вас устроит?

– Объем работы большой, это серьезные деньги, но, давайте попробуем. Материалы у меня в электронном виде, вам как удобнее работать – с листа или с экрана?

– Лучше с листа, хотя наличие электронной копии будет не лишним. Сколько страниц необходимо перевести?

– Всего их около пятисот. Но я ограничен в средствах, поэтому разобьем документ на части – поработаем с первой сотней страниц. Впрочем, часть я уже пытался перевести. Я дам вам мой вариант прочесть – исправьте ошибки, хорошо?

– За правку обычно берут деньги, но я не возьму. Мне интересно, что там дальше. Насколько я понимаю, там что-то связано с Потемкиным, они ищут какой-то предмет. Верно? Это подлинные документы?

– Скажите, стал бы я платить за перевод подделки? Документы получены из Штатов, из национального архива. Электронная копия.

– Понятно. Ну что же, давайте попробуем. Сто страниц, говорите?

– Да. Приблизительно такое количество – точно не скажу. Вообще дневник включает записи по 1941 и 1944 годам. 1942-й и 1943-й отсутствуют. Основной материал касается 1944 года.

– Понятно.

– У вас есть электронная почта?

– Конечно.

– Напишите мне здесь, – я перевернул лист документа чистой стороной и протянул свою ручку, – отправлю вам первую партию сегодня вечером. Оплата по факту. Вас устроит такой вариант?

– Вполне. Определитесь с количеством страниц для перевода и высылайте. Телефон ваш у меня есть, мой у вас – тоже. По окончании работы, по каждой партии я отзвонюсь.

– Договорились. Приятно иметь с вами дело.

– Мне тоже. В некотором роде вы – мой единомышленник, – он в первый раз улыбнулся. Мне нравятся люди, которых интересует настоящая история – лишенная купюр и не политизированная. Я думаю, все у нас получится.

Он встал и подал мне руку.

Вернувшись домой, я не стал откладывать дела в «долгий ящик». Исходя из возможных ближайших финансовых поступлений, собрал в один пакет около 30 страниц дневника, приложил к ним текст своего перевода вместе с оригиналами страниц и отправил весь пакет по указанному Сергеем Николаевичем электронному адресу:

Уважаемый Сергей Николаевич!

Согласно нашей сегодняшней договоренности, направляю вам первую часть документов. Оцените, пожалуйста, требуемое для перевода время. Это необхо-

димо для подготовки наших взаиморасчетов по этой и следующим партиям документов.

Мой вариант перевода нескольких страниц также найдете во вложении. Оригинальный текст прилагается. Прошу проверить и в случае выявления ошибок – подкорректировать.

**С уважением,
Игорь.**

Ближе к вечеру пришел ответ:

Добрый вечер, Игорь.

Я получил ваши документы, и буду готов приступить к работе в понедельник.

Предполагаемое время для перевода, если ничего экстраординарного не случится – неделя, максимум – десять дней.

Готов представить вам результаты в печатном виде или в электронном – на ваш выбор.

Общая стоимость перевода оценена исходя из наших договоренностей $8 \times 32 = 256$ долларов. Возможна оплата рублями по курсу.

Я обеспечиваю «жесткий» перевод, без литературной коррекции. При необходимости, вы можете произвести коррекцию самостоятельно, исходя из смысла и текста.

**О готовности передачи результата сообщу почтой
или телефонным звонком.**

**С уважением,
Коваленко С.Н.**

Мне оставалось только решить вопрос с деньгами и ждать
десять дней.

Эпизод 4. Место смерти

Неделя прошла быстро. Я ждал этого письма. Среди восьми других, черневших жирным шрифтом в открытой почтовой программе, оно порадовало заголовком «Немецкие документы» и было немедленно мною прочитано:

Игорь, здравствуйте!

Ваш перевод закончен.

Я готов встретиться с вами в том же месте, что и в прошлый раз.

Для уточнения деталей – позвоните мне вечером.

С уважением,

Коваленко С.Н.

Эх, бросить бы все и сейчас, немедленно сорваться с работы! Ничего, подождем – до вечера всего лишь четыре часа.

Выехав из Подольска в 6 вечера, я не удержался и набрал номер коллекционера.

– Алло?

– Сергей Николаевич, добрый вечер. Это Игорь. Получил сегодня ваше письмо.

– Да, Игорь. Добрый вечер. Я немного поторопился с предложением о встрече – не совсем хорошо себя чувствую. Возраст, понимаете ли...

– Да, конечно. Но если вам удобно, то готов подъехать по указанному вами адресу. Что вы скажете?

В трубке наступило молчание.

– Сергей Николаевич?

– Да, я здесь... Обычно я не встречаюсь с заказчиками дома.

– Понятно. Если не сегодня, тогда скажите – когда и где?

– Хорошо... Приезжайте. Вот еще что, загляните, если не трудно, в аптеку, купите мне лекарства. Сейчас скажу, какие. Мне просто некого больше попросить.

– Давайте поступим так. Бросьте мне СМС на этот телефон с вашим адресом и названиями препаратов. Я уже выскочил на МКАД в районе Варшавки, движение, судя по Яндекс-пробкам, по внутреннему кольцу свободное. Вы в каком районе живете?

– Ближайшее метро – Фрунзенская.

– Отлично! Это практически мое направление. Там рядом есть аптеки?

– Есть. Несколько.

– Давайте ваш адрес и названия лекарств – привезу.

– Спасибо.

– До встречи!

Он повесил трубку, а через пару минут пришла СМСка. Я вбил адрес моего переводчика в навигатор и увидел, что до Фрунзенской, с учетом пробок, добираться примерно час с небольшим. Это значит, что до 20.00 я буду на месте.

Заскочив по пути в аптеку на Комсомольском проспекте, я нашел на карте нужный дом и, с трудом припарковавшись, набрал номер квартиры по домофону.

– Слушаю вас.

– Сергей Николаевич, это Игорь. Я подъехал.

– Открываю. 3-й этаж.

Магнитный замок запищал, и я зашел в подъезд.

На третьем этаже одна из дверей была приоткрыта, скорее всего, мне – туда. Сергей Николаевич встретил меня на пороге, в атласном домашнем халате – я такие видел только в кино. Выглядел он и, правда, неважно.

– Раздевайтесь, – он кашлянул, показал мне на тапочки и отправился, не дожидаясь меня, на кухню.

Сбросив сапоги и повесив куртку на вешалку, я направился вслед за ним. На плите закипал чайник, на столе стояли пустые чашки, банка кофе, молочник, масленка и вазочка с медом.

Сергей Николаевич нарезал сыр и колбасу на разделочной доске.

– Поставить машину возле вашего дома – это проблема. Вот ваши лекарства, – я выложил на стол аптечный пакетик.

– Спасибо, – он повернулся, достал одну из упаковок, распечатал ее и выдавил из блистера таблетку, – вы очень помогли мне. Сколько я вам должен?

– Перестаньте! Пусть это вас не беспокоит. Выздоровли-

вайте.

– Спасибо. Мне, право, как-то неловко, озадачил вас, да еще и денег не берете...

– Ну, вы же один, и болеете – значит, надо помочь.

– Тимуровец? Ну, спасибо. Присаживайтесь. Вы с работы – наверняка голодны, вот, перекусите.

– Благодарю. Признаться, это кстати.

– Стол, конечно, небогат, но что есть...

– Не беспокойтесь, с молоком как у вас? Я кофе с молоком предпочитаю.

– Так вот же – молочник на столе.

– Да, да, я как-то...

– Не стесняйтесь, принесу пока перевод. Я распечатал его. У вас есть флэшка?

– Да, сейчас организуем.

Пока он ходил за бумагами, я достал флэш-карту, налил себе кофе и начал готовить бутерброд с сыром.

– Прошу, – Сергей Николаевич протянул десяток страниц. – В среднем, из двух – трех страниц оригинала мы имеем одну страницу формата А4. Они же тогда на машинке печатали – поэтому межстрочный интервал большой. Рукописные пометки автора дневника я выделил наклонным шрифтом – думаю, будет понятно.

– Отлично, сейчас взгляну. Кстати, вот флэшка. Ноутбук у меня с собой, и я готов дать вам следующие 30 страниц. Нормально?

– Конечно.

– Ну, и насчет оплаты – вот ваши деньги. Долларов не было – я отдаю в рублях по текущему курсу Центробанка.

– Вы почитайте сначала.

– Конечно. Но вы же мне доверяете, и я вам доверяю. Забирайте деньги. Я сейчас почитаю немного, а дома еще раз пересмотрю. Если будут вопросы – напишу письмо. Можно?

– Можно, – он снова покашлял, – но, думаю, вам понравится. Кстати, я посмотрел ваш перевод. Неплохо получилось. Конечно, есть некоторые неточности – я подправил. Этот файл объединён с новым переводом, моим, в один. Потом с флэшки почитаете.

– Хорошо.

Я отложил бутерброд, вытер пальцы бумажной салфеткой и придвинул к себе страницы с текстом:

Я видел его на фотографии начала века, приложенной к бумагам. Румынам не интересен Потемкин, поэтому, скорее всего, памятник заброшен. Разве что большевики за год своего правления что-то успели изменить. Хотя... Вряд ли. Насколько известно, их больше интересовали вопросы наведения внутреннего порядка на новой территории.

Машина притормозила, и я отвлекся от своих размышлений. Первый мотоцикл проехал еще метров сто, осмотрел дорогу впереди и, вернувшись, встал на боевое

охранение примерно в двадцати метрах от нас. Замыкающий мотоцикл занял позицию, прикрывая тыл. Оба подали знаки, и мы вышли на дорогу, разминаясь. Это вам не автобан и не шоссе – обычный проселок. Вперед и назад – никого, только теплый летний ветерок, налетавший порывами, и запах полевых цветов. Водитель, достав припасы, занялся обедом, а мы – я, Генрих и Отто, осмотревшись, направились к интересовавшему нас месту.

Заброшенный памятник, на удивление, хотя и был неухожен, сохранился неплохо. В высокой траве видна была установленная на квадратном основании стела двенадцати или чуть более метров высотой, из мягкого камня – ракушечника, потемневшая от дождей, пыли и времени. Недалеко от нее находился еще один камень с надписью. Раздвинув траву, мы прочли: «На семъ месте преставился князь Григорий Александровичъ Потемкинъ Таврический. Октября в 5 день».

Я осмотрелся. Чуть ниже по склону, за дорогой, наш водитель «колдовал» с обедом, справа и слева охрана, развернув мотоциклы поперек дороги, наблюдала за местностью, а передний мотоциклист, тот, что слева, даже осматривал дорогу в бинокль.

– Ну что, начинаем? – Генрих отряхнул пыль и сухую траву с колен.

Я сделал несколько фотоснимков, в то время как От-

то, сорвав и покусывая травинку, прошел за обелиск.

Генрих достал из своего потертого саквояжа ореховую лозу. Присев на край обелиска и положив лозу на колени, он выбил из пачки сигарету и закурил.

– Дайте мне 5 минут, надо настроиться, – сказал он, осматривая кончик сигареты, – отойдите в сторону.

Отто, сделав круг вокруг комплекса, отошел к дороге, я присоединился к нему.

Генрих докуривал.

– Пожалуйста, не шумите, – попросил он через некоторое время, поднявшись, – я попробую поработать.

По направлению от дороги, держа в руке лозу, он принялся медленно продвигаться в сторону памятника. Мы, молча, наблюдали со стороны. Генрих описывал вокруг обоих камней концентрические круги, останавливался, поворачивался направо и налево, двигался от памятника к камню и немного в сторону, медленно ступая по степной траве. Лоза в его руках опускалась и поднималась. Мне почему-то всегда казалось, что все лозоходцы сами её двигают. Такие, незаметные движения рук. Всегда присутствовало некое ощущение обмана. Споров на эту тему было достаточно, однако, как отмечалось специалистами, в поиске и, в частности, в археологии у лозоходцев зачастую наблюдается эффект импринтинга. Т. е. обнаруживается объект или предмет, которого уже давно нет в каком-то месте – фактически, на-

ходится его след. Как это происходит – непонятно, но я сам наблюдал подобное.

Отодвинув чашку, я достал из пачки сигарету. Полез за зажигалкой, но вспомнил, что я в гостях.

– Простите, у вас можно курить?

– Можно, но не сейчас, сами понимаете... Хотите покурить – идите на балкон. Он застеклен, но там прохладно – надо набросить куртку.

Сходяв за курткой и прихватив на обратном пути бумаги, я вышел на балкон, прикрыл за собой дверь и продолжал чтение, устроившись так, чтобы свет из комнаты падал на текст:

Через полчаса Генрих закончил.

– Да, это место с отрицательной энергетикой, – сообщил он, – на самом деле Потемкин умер не там, где стоит этот камень с надписью, а чуть правее, судя по всему – вот здесь, – и он указал лозой на другое место. Впрочем, это не столь важно. Искомое предмета здесь нет, но я уверен, что он был при Потемкине в момент его смерти.

Отто улыбнулся:

– Неужели ваша лоза способна дать такую информацию? Я всегда подозревал, что в лозоходстве есть что-то шарлатанское.

– Напрасно. В нашем подразделении с использованием лозы даже разминировали минные поля. И успешно, замечу я вам! Это достоверный факт. Думаю, что не будучи уверены в своих способностях, и не веря в лозоходство, сами вы не стали бы заниматься подобной практикой, не так ли?

– Это точно...

– Про геопатогенные зоны вы тоже, наверное, знаете или слышали. Неужели не встречались с необычными явлениями на раскопках? Вот здесь геопатогенная зона... Вот – здесь, – Генрих указал место между памятниками.

– Вернемся к делу, – сказал я, – итак, что скажете?

– Но почему вы считаете, что предмет не был захоронен вместе с князем? – Отто внимательно посмотрел на меня.

– Дело в том, что существует описание всех предметов и наград, выложенных при похоронах у гроба умершего. Предмет в описании отсутствует. Это есть в воспоминаниях Энгельгарта – племянника князя. Ну, и у нас в папке есть опись. При удобном случае с ней можно будет ознакомиться. Вероятнее всего то, что мы ищем, не попало на всеобщее обозрение. Значит, оно оказалось в руках приближенных князя или родственников. Из родственников, вероятнее всего – к Браницкой.

– Кто был рядом с Потемкиным в момент его смер-

ти? В прямом контакте с князем только Браницкая и Санковский. Логично предположить, – Генрих достал из пачки сигарету, – что предмет попал в руки кому-либо из них. Вероятнее всего – случайно, о его свойствах они не знали, поскольку ни тот, ни другая в дальнейшем ничем экстраординарным не отмечены. Я, конечно, не знаю всех его свойств, только то, что мне вкратце рассказал Эрих, но, судя по тому, что эти люди не оставили яркого следа в истории, они могли быть лишь посредниками – «передаточными звеньями». Не исключаю, что предмет мог перейти к третьему лицу, либо непосредственно здесь, на месте, либо позже, по возвращении в Румынию. У меня такое ощущение, что он, скорее всего, был вывезен в Россию – все эти люди покинули Яссы, и путь их лежал к Днестру, в любом случае. А вот ближайшая переправа и наиболее используемая дорога в то время шла на юго-восток от места смерти князя. По логике место их переправы через реку – в районе Дубоссар. Вообще-то там было несколько переправ. Думаю, наша – та, что находится чуть выше по течению от места слияния Реута и Днестра. Движение от Ясс к той переправе – оптимальный путь. Но это лишь мои предположения. А что вы скажете?

– Я скажу, что я чертовски голоден, – деланно нахмурился Отто, – предлагаю пообедать, тем более что наш водитель, наверное, уже все приготовил. Там и погово-

рим.

Мы спустились к дороге. Чуть в стороне, метрах в двадцати за пыльной обочиной водитель разложил на складном столике закуску, в основном из местных продуктов. На спиртовке закипал неизменный кофе. Чай в термосе был оставлен на потом.

Слегка подкрепившись, мы, не ожидая водителя, собиравшего обеденные принадлежности и остатки еды, вышли на дорогу, не спеша направляясь в сторону головного мотоцикла.

– Послушайте, Эрих, вы, как старший товарищ, – Отто улыбнулся, не поднимая головы, – отмеченный Вайгелем и Краузе²², должен, наконец, рассказать нам, что это за предмет. Все, что было сказано раньше – общие слова. Интересны детали. Мы с Генрихом понимаем важность миссии, возложенной на нас Зиверсом. Но все случилось так быстро, что нас даже не успели толком посвятить в суть дела. Мы ищем артефакт – это понятно. Нечто, напоминающее медальон. Или что-то подобное, но что в нем? Известные арте-

²² Вольфганг Краузе (нем. – Wolfgang Krause, 1895–1970). Немецкий языковед, кельтолог, рунолог, сотрудник Аненербе. С 1929 г. заведующий кафедрой индогерманского языкознания в Кёнигсбергском университете, специализировался на истории культуры древней Скандинавии, рунологии и тохаристике. В 1938 г. основал Институт рунологии, который в дальнейшем перешел под юрисдикцию СС. С 1943–1944 гг. возглавлял учебно-исследовательский отдел рун и символов Аненербе.

факты, которые у всех на слуху – с этим все понятно, там хотя бы ясна цель, для которой они предназначены, а здесь...

Я растянул ворот кителя:

– Вы знаете, что это дело попало к нам меньше чем неделю назад. Информации не так много, скорее, даже мало. Но дело, кажется, интересное. Кроме того, мое молчание оправдано тем, что в течение всего нашего путешествия, мы практически ни разу, за исключением ночи, не были одни, а я бы не хотел, чтобы наш разговор слышали посторонние. Сейчас самое время прояснить ситуацию – нам никто не мешает, – однако для того, чтобы понять, о чем речь, вам понадобится некоторое терпение.

Начнем сначала.

На балконе было прохладно. Выбросив окурок за окно, я вернулся в комнату. Сергей Николаевич ждал меня на кухне.

– Ну, что скажете?

– Интересно. Признаться, не ожидал.

– Все прочитали? И про предмет?

– Нет. Про сам предмет еще не начинал.

– Ладно. Вообще-то, вам повезло. Очень редко встречаются подобные документы. Как правило, их нет в свободном доступе. Откуда они у вас?

– Собираю материалы по боевым действиям в Бессарабии. На сегодняшний день в моей коллекции что-то около десяти

тысяч станиц, в том числе карты и схемы. В основном немецкого происхождения. Года два назад я случайно наткнулся на статью в одном из изданий, где упоминались сотрудники вроде как подразделения оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг», проводившие работы в Одесской области и в Бессарабии. Характер работ не упоминался, да и были они там совсем недолго. Эти территории уходили румынам, поэтому немцы с подобными миссиями там не задерживались, двигаясь дальше. Естественно, все, что связано с подобными структурами, представляет интерес, а с «Наследием предков» – особенно. Прежде всего, потому, что их специалисты добились прорыва по отдельным направлениям в научном и техническом плане, ну, и, наконец, они использовали в работе оккультные знания. Я мечтал что-то подобное получить, но совершенно не был готов к такому подарку. То, что сейчас у меня есть – это подарок! Бумаги, которые вы переводили, достались мне совершенно случайно.

– И каков источник, если не секрет?

– Не стану скрывать – в фондах Национального архива США есть много интересного. Через друзей я попросил найти мне что-нибудь неординарное по Бессарабии. Еще тогда, когда узнал о неких закрытых работах по Одессе, ну и... я только что об этом говорил.

– Да, конечно.

– Не прошло и двух лет, – я рассмеялся, – как в рекламе – мечты сбываются!

Он встал и подошел к мойке.

– Знаете, я бы посоветовал не афишировать эти документы.

– Да я вроде бы не очень... Ну так, опубликовал несколько записей в своем дневнике на форуме.

– Какой форум?

– Наш форум – moldovamar.ru. А в чем дело?

– Мало ли кто их читает...

– Вы думаете?

– Да, именно так я думаю. Иногда в нашем деле, – он сделал акцент на слове «нашем», и я это отметил, – не стоит афишировать свои находки. Они сами по себе ценны, без общественного признания.

Поставив вымытую чашку в шкаф, Сергей Николаевич продолжил:

– Когда вернетесь домой и прочитаете перевод дальше, тогда станет ясно, почему я так говорю.

– Вы меня заинтриговали, страниц не так уж много, я готов хоть сейчас...

– Нет-нет. Почитаете дома. Поймите меня правильно, я вас не гоню, но хотел бы прилечь. Состояние, понимаете ли, не из лучших.

– Конечно, извините!

– Ничего.

Я быстро собрался. Он прошел за мной в коридор, подождал, пока я оденусь, и сказал, открывая дверь:

– Через неделю мы узнаем, что там было дальше. Мне самому интересно.

– Спокойной ночи. Выздоровливайте!

– Спокойной ночи.

Я сбежал по ступенькам и, нажав кнопку магнитного замка, вышел на улицу. Несколько фонарей тусклым желтым светом освещали пустой двор. Стрелки на часах приближались к 10 вечера.

Эпизод 5. 54-й армейский корпус

Пока я ехал домой, на каждом светофоре меня так и подмывало взять в руки перевод, однако, куда комфортнее читать на кухне, так сказать, в спокойной обстановке, не отвлекаясь ни на какие другие дела.

Маруська уже ждала меня, сидя посреди коридора. Когда я открыл дверь, встала, мяукнув, и не спеша отправилась в комнату. А еще говорят, что кошки «гуляют сами по себе». Нам достался экземпляр, выпадающий из общих представлений. Невероятно социальное существо, практически ни минуты не проводящее «вне коллектива». Если, конечно, дома нет посторонних. Наша болтливая Маруська постоянно забирается на колени, если кто-то присел на диван или на стул; если же хозяин или хозяйка ложатся спать – тотчас устраивается на груди.

14 лет назад всего за 100 рублей мы с женой купили нового члена семьи (это звучит, конечно, странно, но так оно и есть). Самым удивительным для нас фактом стало то, что с некоторых пор она (Маруська) всегда ждет меня, когда я выхожу покурить на лестницу. Возвращаясь, открываю дверь – уже сидит столбиком в ожидании, и как только зайду в квартиру, обязательно мяукнет, не торопясь двинувшись туда же, куда и я.

Предвкушая дальнейшее чтение перевода, я быстро ски-

нул куртку, оставил в коридоре портфель и заглянул в спальню, снимая джемпер.

Жена, лежа на кровати, болтала с кем-то по Скайпу.

– Чего так поздно, – спросила она, – где был?

– На встрече. Поесть чего-нибудь имеется?

– В холодильнике – пшенная каша.

– С кем ты там болтаешь?

Катя вздохнула:

– А-а-а... С Кузиной. Представляешь, у них собака поймала на пруду дикую утку и принесла домой щенкам. Пять минут – утки нет.

– Так то же охотничья собака – сразу видно.

Она снова застучала по клавишам.

– Иди, ешь.

Пшенная каша – это я люблю!

Поставив чайник, я достал тарелку с кашей из микроволновки и начал читать с того места, на котором остановился перед уходом от Сергея Николаевича.

Буду сразу говорить о главном. Вспомним мифологию. Конечно, вы читали «Песнь о Нибелунгах». Или... нет? Детали опустим, чтобы не терять времени. Вопросы – по ходу рассказа или потом. Напомню содержание, чтобы все встало на свои места.

Итак, верховный бог наших предков Один был владельцем меча «Нотунг». В те времена даже оружие имело

имена. Меч обладал волшебной силой даровать своему хозяину непобедимость. Зигмунд был сыном Одина, и «Нотунг» достался ему после того, как он выхватил его из ствола огромного дерева, когда на семейном пиршестве Один, загнав меч в дерево по самую рукоять, сказал, что достать оружие сможет только достойный. Это было родовое дерево, и каждый из родственников мужского пола попробовал вынуть меч, но сумел только Зигмунд. Меч был необычный, как я говорил, однако, помимо волшебных свойств, была ещё одна особенность – его нельзя было использовать в личных интересах.

Как вы, вероятно, помните, у Зигмунда возник конфликт с королем викингов Люнгни. Конфликт был связан с женой Зигмунда – Хьердис, которая предпочла выбрать в мужья Зигмунда, а не Люнгни. Зигмунд был старше Люнгни, и предпочтение Хьердис было непонятно викингу. В конце концов, Зигмунд и его молодая жена сыграли свадьбу, жили в согласии и, конечно, в достатке, ведь Зигмунд был вождем.

Люнгни не простил Зигфриду женитьбы и, уловив удобный момент, напал на него. Зигмунд в бою фактически преследовал личные интересы – сохранить жену и богатство, которым владел. Ведь противник претендовал и на первое, и на второе. Лишить Зигмунда жены и богатства – вот цели, которые преследовал Люнгни. В разгаре битвы, в которой Зигмунд был неудержим и бес-

пощаден, когда победа была уже близка, появился Один и метнул в Зигмунда свое копьё.

Теперь о копьё, которое играет в этой истории немаловажную роль. Оно тоже не простое, как, впрочем, все, чем владел Один.

Мы остановились. Я закурил и сказал:

– Давайте постоим. Мы слишком близко подошли к охране, я не хочу, чтобы они слышали, о чем мы говорим.

Дав прикурить Генриху, я продолжил свой рассказ.

– Копьё «Гунгнир» поражало любые доспехи, любую цель – ничто не могло ему противостоять. Кроме того, посланное в противника, оно всегда возвращалось назад, к своему хозяину. Его выковали два гнома – братья Ивальди. Отличные кузнецы, братья этим подарком хотели продемонстрировать богам мастерство подземного народа.

Итак, Один бросил копьё в Зигмунда, но Зигмунд ударом меча сумел отбить его, однако, Нотунг от удара о копьё сломался. Так Зигмунд потерял божественное покровительство, и, в конце концов, сражаясь обломком меча, был смертельно ранен.

Победа не принесла Люнгни богатства. Не досталась ему и жена противника. Сокровища Зигмунда были заранее хорошо припрятаны, а Хьердис спряталась сама. После боя она нашла умирающего Зигмунда и подобрала обломки меча. Зигмунд перед смертью сказал, что их

сын, который должен вскоре родиться, выкует из этих обломков новое оружие, с которым покроет себя неуязвимой славой.

Со временем другой мистический персонаж – гном Регин, выковал из обломков «Нотунга» новый меч – «Грам» для Зигфрида, сына Зигмунда. Кстати, гном Регин был наставником Зигфрида. Металл «Нотунга» и контакт с копьем Одина придали «Граму» чудесные качества – его владелец должен был совершить множество подвигов...

Кстати, интересный момент в этой истории. Обратите особое внимание на кузнеца, который создал меч «Нотунг». Имя его – Веланд. Вам оно ничего не напоминает? Вспоминайте. Гёте. «Фауст». Правда, там звучало другое имя – Воланд. А вот еще одно созвучное двум другим – Фаланд. Так называли черта наши предки. Стоит отметить, что у многих народов черт достаточно часто появляется в кузнице.

Веланд – знаменитый кузнец. Возможно, он принимал участие и в изготовлении других магических мечей, кто знает... В свое время он учился мастерству у кузнеца-наставника Мимира и гномов с горы Каллав. «Нотунг» – это его, скажем так, наиболее значимая работа.

Вы спросите, зачем я рассказываю эти «сказки»? Я бы не стал утверждать с абсолютной уверенностью, что все, о чем я вам вкратце сообщил, вымысел. Нет. Все предания базируются на реальных событиях. Весьма ве-

роятно, что события эти с течением времени искажены настолько, что стали похожи на сказку. Впрочем, если вы, как пример, возьмете Библию, то будьте уверены в том, что эта книга, события в которой также имеют определенно мистический характер, не является копией изначальной рукописи. Многократный перевод и адаптация сделали свое дело. Ведь одно или два неправильных по смыслу слова могут изменить все содержание, или... впрочем, я отвлекся...

Видите ли, коллеги, ни меч, ни копьё сейчас нас не интересуют. Продвижение германских войск на восток – дело времени, и поиск других артефактов – задачи других экспедиций. Нам интересен именно этот, скажем так, амулет. Да, пусть будет – амулет. Ведь он таким стал.

Изначально амулет был навершием меча. После смерти Зигфрида судьба меча точно неизвестна. В одном варианте меч захоронен вместе с владельцем, по другому – достается одному из врагов Зигфрида. Здесь уже вопрос интерпретаций истории.

Каким образом навершие или, иначе, «яблоко» начало свой путь отдельно от остальной части меча – остается загадкой. Скорее всего – меч был каким-то образом сломан, разрушен. Далее, навершие использовалось как магический амулет. Да, амулет воина, человека активного и решительного. И раскрывается он человеку, обладающему изначально именно такими достоинствами.

Амулет лишь усиливает их и позволяет добиться результата даже в самых сложных ситуациях. На навешенной есть рисунок – руноскрипт, один из составляющих знаков которого Tīwaz²³. Как всякий настоящий немец, как члены нашей организации, вы, конечно, изучали рунологию – значит, знаете, что означает руна Tīwaz... Но руноскрипт – это связка дополняющих друг друга рун... Были еще две...

Мы услышали звук мотора подъехавшей сзади машины...

24 июля 1941 г.

Ночевали в комендатуре Калараи Тырг. Ночь выдалась спокойная, прошел дождь. Утром, после плотного завтрака выехали на Кишинев. Жара несколько спала, дождем прибило пыль, и можно было ехать с открытым верхом машины.

Население возвращается в деревни, восстанавливают дома, разбирают завалы. Начинают функционировать гражданские государственные учреждения. Лучшие здания в центральной части населенных пунктов, наиболее

²³ 17-я руна старшего футарка. Руна посвящена скандинавскому богу Тюрю. Это руна воина, прежде всего воина духа. Олицетворяет духовную силу и несет в себе исключительно мужскую энергетику. Основные качества Tīwaz – мужество, самопожертвование, умение использовать силу во имя высших целей, следовать своим путём, как бы тяжело ни было. Ещё одно значение Tīwaz – справедливость. Это сила, но справедливая.

сохранившиеся, заняты под примарию, суды, комендатуры, жандармерию. На каждом из таких домов – вывеска на румынском языке. Все русские надписи замазываются краской или забеливаются.

В районе Буковец через железнодорожный переезд выехали на новую дорогу, параллельную железнодорожной линии. Наше движение на некоторое время было прервано налетами авиации противника. Несколько румынских грузовиков из следовавшей попутно небольшой колонны были разбиты. Для нас, к счастью, все обошлось – люфтваффе вмешались вовремя.

Обедали в Страшенъ у начальника жандармерии, который рассказывал за столом о партизанах, активизировавшихся в неглубоком тылу сразу после отхода большевиков. Были случаи травли лошадей и поджогов складов с горючим. По имеющимся данным, в зоне, занятой румынскими войсками, было оставлено для подрывной работы более сотни партизанских отрядов и подпольных организаций. Начальник жандармерии сообщил также, что после издания 9 июля декрета маршала Антонеску о расстреле партизан на месте, о зачистках в лесах и о работе с местным населением, активность партизан несколько снизилась, но случаи нападения, тем не менее, имеют место. Он рекомендовал нам ограничить самостоятельное ночное передвижение и усилить охрану.

Выехали после 15 часов.

Прибыли в Кишинев вечером, засветло. Город серьезно пострадал. Центральная его часть значительно разрушена как огнем румынской артиллерии, так и взрывами отступавших советских войск. Въезжая в город, отметил для себя множество глинобитных домов под соломенными крышами. Освещения на улицах нет, как и централизованного водоснабжения. Для освещения государственных и военных учреждений используются автономные установки энергоснабжения, либо просто керосиновые лампы.

С 21.00 действует комендантский час.

Мы разместились в старой части города, в доме, пострадавшем лишь частично. После боев 16 и 17 июля в Кишиневе идут восстановительные работы – улицы очищают от мусора, разгребают завалы.

Ужинали у коменданта. Отличное вино и здоровая еда.

25 июля 1941 г.

Проснулись в 6 утра. Ночью была слышна далекая канонада – фронт уже близко.

Завтракали у себя. Водитель поджарил яичницу с колбасой, пили какао.

Немецких подразделений в городе мало, все ушли на во-

сток или находятся севернее Кишинева. Правда, есть СС, но эта айнзацгруппа занимается в основном евреями. Не наш профиль.

После завтрака отправились к соотечественникам – в комендатуре нас ждут.

– Заходите, господа! – майор встал из-за стола и направился навстречу, – рад вас видеть! Штурмбанфюрер Эйке, прошу простить меня за неудобства, ведь мы только несколько дней как заняли город, помещение еще не обставлено, впрочем, мы здесь ненадолго... Да, я не представился... Майор Цолер, офицер штаба 54-го Армейского корпуса. Коньяк?

– Благодарю вас, майор, – я улыбнулся, – коньяк... неплохо. Мы не пили коньяк уже несколько дней.

Майор рассмеялся:

– Несколько дней – это срок! Я угощу вас отличным французским коньяком и кофе. Что скажете насчет кофе? Отличный кофе...

– С некоторых пор, после Индокитая, лично я предпочитаю зеленый чай, но с этим, вероятно, у вас трудности, – заметил я, – поэтому кофе вполне достойная замена. Познакомьтесь с моими спутниками – оберштурмфюрер СС Генрих Тилль, гауптштурмфюрер СС Отто Унгарт.

– Очень приятно! Я получил распоряжение из штаба армии относительно вашей миссии. Моя задача – ока-

затъ вам всемерное содействие. Кстати, в городе работает ваш коллега – штурмбанфюрер СС Пауль Запп. Вы в курсе? Нет? Присаживайтесь, я сейчас, – майор указал открытой ладонью на стол и стулья в центре кабинета и быстрым шагом направился к двери. – Рейне! Четыре кофе ко мне в кабинет!

Вернувшись, он подошел к шкафу, достал оттуда бутылку коньяка и четыре маленькие рюмки, затем разлил коньяк и жестом предложил:

– Прошу, господа...

Мы выпили. Цолер пододвинул пепельницу:

– Курите...

– Благодарю вас. Майор, вы не могли бы ввести нас в курс происходящего? Нас интересует эвакуация советов и обстановка на участке фронта в районе Дубоссар.

– Пожалуй... Начнем с эвакуации. Согласно нашим данным, сразу после начала боевых действий органы власти отдали указания относительно организации тыла и недопущения самовольной эвакуации населения. В целях борьбы с нашими разведгруппами в последних числах июня были созданы 63 истребительных батальона из числа сотрудников НКВД, а вскоре около сотни партизанских групп – для ведения подрывной деятельности в нашем тылу. Это были не полноценные отряды, а лишь их основа – 3–5 человек из числа советского партсостава, которые должны были в дальнейшем сплотить

и организовать группы людей. Однако не всем это удалось, если не сказать, что, в основном – мало кому удалось. Один год советской власти, работа репрессивного аппарата, ну и, конечно, пассивность населения, нежелание людей вообще воевать на какой-либо стороне создали определенные трудности для формирования диверсионных групп большевиков. В конце концов, наше стремительное наступление практически парализовало их деятельность – они не успели организовать! В этом преимущество блицкрига.

В то же время, при запрете самовольной эвакуации начался отток большевистских руководителей на восток. В этой связи жизнь в населенных пунктах была частично дезорганизована, среди населения отмечались панические настроения. Есть информация, что мобилизованные в Красную армию бессарабцы оставляли оружие и дезертировали, чем вызывали недоверие у командиров уже только местом своего призыва. Эта информация частично подтверждается оперативными документами разбитых или отступивших советских подразделений.

В начале июля началась эвакуация людей и материальных ценностей. В первую очередь эвакуировали инженеров, служащих, квалифицированных рабочих. И, наконец, 6 июля, в соответствии с приказом большевиков, начался вывоз «...ценностей, скота и населения из

МССР». Да, господа, такое «веселое» постановление... Ценностей, скота и населения... В порядке приоритетов. Штаб эвакуации возглавил Ильинский – председатель местного совнаркома.

В кабинет принесли кофе... Его нежный аромат смешался с ароматом коньяка...

Майор взял чашку и продолжал, закуривая:

– Следуя этому приказу, все основные дороги на Криулень и Бендеры были очищены от беженцев для нужд эвакуации имущества – беженцы уходили второстепенными путями. Для эвакуации имущества специально были наведены мосты и переправы. Советам действительно удалось вывезти значительное количество ценностей и продовольствия.

Благодаря работе наших агентов, да и в результате действий советской власти во время эвакуации, нам «совместно», – майор улыбнулся, – и я это с удовлетворением отмечаю, удалось «организовать» в отдельных населенных пунктах настоящий хаос. Перестали работать магазины, электросети и другие элементы инфраструктуры. Началось мародерство. Советы, пытаясь как-то стабилизировать положение, совершили еще одну ошибку – приняли решение, начиная с 8 июля 1941 года, запретить всем лицам переход через Днестр без особого разрешения НКВД. Это сыграло нам на руку. Люди брали переправы штурмом. Вот то, что касается эва-

куации. Повторим коньяк?

– Благодарю вас. Меня интересует вывоз из республики исторических ценностей.

– К сожалению, я не готов ответить на этот вопрос с необходимой компетентностью. У меня нет достоверных данных, но могу предположить, что все, представляющее ценность, советы вывезли.

– Хорошо. Вернемся к этому вопросу чуть позже. Давайте перейдем к обстановке на фронте.

– Вас интересует участок в районе Дубоссар, насколько я понял?

– Да.

Цолер откинулся на спинку стула и затянулся сигаретой.

– Если партийное руководство республики допускало существенные ошибки в своих действиях, то о военных я этого сказать не могу. Они сражались достойно. Наши союзники, – майор улыбнулся, – оказались неспособными в полной мере противопоставить большевикам свой напор и решительность при проведении боевых операций. Впрочем, это входило в наши планы, я имею в виду затяжные бои. Южный участок восточного фронта необходимо было сковать до тех пор, пока мы не выйдем на оперативный простор на центральном и северном участках. И нам это удалось. Теперь над частями Южного фронта русских нависает угроза окружения с севера, и они начали организованный отход за Днестр. За Дне-

стром – «линия Сталина»²⁴, и румынам ее не взять. Наступил наш черед. Завтра начнем форсировать Днестр. На интересующем вас участке уже сосредоточены две дивизии. Мы взломаем здесь оборону так же, как взломали ее севернее по Днестру. Еще кофе?

– Кофе? Пожалуй, кофе у вас замечательный. Откуда, если не секрет?

– Ну что вы, какой секрет! Друзья из африканского корпуса балуют меня. Знали бы вы, какой кофе варят бедуины! Мне довелось бывать там. Момент – сейчас все организую...

Майор направился к двери, отдал распоряжение, о чем-то переговорил и вернулся к столу.

– Кстати, сейчас восточный берег Днестра штурмуют части 50-й и 72-й пехотных дивизий.

– Где именно? – спросил Отто, взяв рюмку двумя пальцами.

– 50-я дивизия атаковала в районе Кучиер, 72-я – в районе Оницкань. Здесь и здесь, – майор достал из папки на столе карту без пометок и указал населенные пункты, – в определенной мере наши действия успешны. Предварительно, 21–22 июля мы провели разведку, за-

²⁴ Система оборонительных сооружений по «старой» границе СССР. Состояла из укрепленных районов – от Карельского перешейка до Черного моря. Здесь речь идет о Тираспольском укрепленном районе – ТиУр. ТиУр расположен по левому берегу р. Днестр от Кучурганского лимана до м. Ягорлык, что севернее Дубоссар в 12 км. с передним краем по берегу реки Днестр.

бросив несколько разведгрупп на территорию противника. Кроме того, у нас уже были карты размещения огневых точек этого, как, впрочем, и других укрепрайонов по Днестру. Что-то получено от румын, что-то из наших источников. Задачами разведгрупп было уточнение сил противника, диспозиции его частей, огневых точек, данных по которым мы в силу разных причин не имели. Все прошло удачно. Я уверен в успехе.

– Румыны участвуют в операции?

– Пока только артиллерией. Пехотные подразделения в боях не участвуют.

– Вам не нужна поддержка пехоты союзников?

– Господа, в рискованных операциях необходимо быть уверенным в боевых качествах каждого подразделения. Но мы не можем быть полностью уверенными в румынах. В настоящее время наши цели и интересы совпадают, но в дальнейшем... Если вы знаете историю Румынии, то сделаете такой же вывод. Они уже предали нас в первой мировой. Нет гарантий, что это не случится в дальнейшем. Правда, Антонеску – наш человек, но ведь есть еще королевская семья...

В дверь постучали, и Рейне внес поднос с чашками и кофейником. Майор, принявшись разливать кофе в чистые чашки, дождался, пока Рейне покинет кабинет, и продолжил:

– Румыны всегда стремились к расширению терри-

торий. Они претендовали на земли Бессарабии, Венгрии, Болгарии и, надо сказать, в значительной степени им это удавалось. Они всегда занимали сторону сильных, выбирая момент, когда можно получить максимальную выгоду от союзника. Только в первой мировой войне румыны несколько раз меняли сторону конфликта, закончив ее в лагере победителей, хотя Бессарабию и часть Буковины получили при нашей поддержке.

Они успешно пожинали плоды новых территориальных приобретений, воспользовавшись тем, что выполняли роль буферной зоны между странами-победительницами в первой мировой войне и большевистской Россией, и являлись поставщиками нефти для Англии и Франции. Советы никогда не признавали Бессарабию румынской территорией. Впрочем, это в чем-то обосновано, ведь Бессарабия действительно никогда не была вассальной территорией Румынии.

Когда Россия окрепла, ее претензии к Румынии звучали все более угрожающе. В 1938 году король Румынии посетил фюрера для переговоров. Король задал два вопроса: какое государство немцами будет создано на северо-востоке Румынии (имея в виду, вероятно, оккупацию Гитлером Украины), и интересуется ли Гитлер внутривнутриполитическим положением в Румынии. Фюрер ответил, что у него в настоящий момент нет оснований говорить о войне с СССР, что же касается внутривнутриполитическо-

го положения и режима в Румынии, то этот вопрос его не интересует. Ответ практически выбил все козыри из рук короля. На самом деле, наша растущая экономика испытывала дефицит нефти, и Румыния, как наиболее близко расположенный ее источник, была нам интересна. Вы не устали, господа? – спросил майор.

– Что вы, – возразил я, – очень интересно.

– Хорошо, продолжаю, – Цолер поднес спичку к сигарете и выпустил струю дыма, – надо сказать, что визит короля был в какой-то степени инициирован англичанами, которые, разрабатывая сложную политическую схему, пытались сохранить влияние на поставки румынской нефти и подтолкнуть Румынию к союзу с нами, ориентируя направление удара такого союза именно против России. Мне известно, что в октябре 1938 года английский военный атташе в Бухаресте Мекнен говорил в одной из личных бесед о том, что желание румын установить близкие отношения с Германией англичане приветствуют.

Майор встал и открыл окна. Струя воздуха шевельнула портьеры и всколыхнула стоящий над столом табачный дым. Он постоял несколько секунд, придерживая створки окна, затем подошел к столу, снова разлил по рюмкам коньяк и продолжил:

– К тому времени король оставил королеву-мать и сожительствовал с еврейкой, которая даже имела неко-

торое политическое влияние, позволяющее англичанам нашептывать на ухо румынскому королю, – все это было фюрера, и он принял решение убрать Кароля II с престола и поставить во главе румынского государства своего ставленника. Да, да, у румынского короля любовницей была еврейка, надо сказать, весьма привлекательная и скрывавшая свое происхождение фамилией Лупеску. Но еврей остается евреем, несмотря на фамилию.

Задачу по смене власти предполагалось решить организацией переворота, в котором главная роль отводилась «Железной гвардии»²⁵, а мы корректировали и оказывали финансовую поддержку таких действий. Благодаря нашим деньгам, железногвардейцы выпускали газету «Porunca Vremii», девизом которой было: «Жи́ды – в Палестину». Знаковый лозунг, не так ли? Особенно, если учесть национальность госпожи Лупеску.

Действия «Железой гвардии» способствовали дестабилизации обстановки в стране и неуклонному сближению Румынии с Германией, только уже по нашему сценарию. Дестабилизация в стране осуществлялась как

²⁵ Антикоммунистическая и националистическая организация в Румынии. Первоначально сформирована К.З.Кодряну в 1920-х годах как студенческое антисемитское движение, в 1927 г. движение реорганизовано в Союз Михаила Архангела. С 1929 года – «Железная гвардия». В 1933 г. запрещена правительством Й. Дука (был убит железногвардейцами), в 1935 г. возобновила деятельность под названием «Все для страны» («Totul pentru Tara»), установив вскоре связи с немецкими национал-социалистами. Печатные органы – «Благовещение» («Buna vestire») и «Команда нашего времени» («Porunca Vremii»).

посредством роста националистических и профашистских настроений среди населения, и особенно молодежи, так и методами террора. Железнодорожники убили ряд государственных деятелей, которые не способствовали сближению наших стран, например – лидера Либеральной партии Румынии Иона Дука, когда он выходил из Зимнего королевского дворца, где король поручил ему сформировать новое правительство после победы на выборах. Следующим был премьер Арманд Калинеску, который попытался ограничить действия железнодорожников и, наконец, министр иностранных дел Румынии Николае Титулеску – за профранцузскую и проанглийскую политику. В последнем убийстве был использован сильнодействующий яд, которым было пропитано белье министра.

Заявление фюрера об отсутствии интереса к Румынии, как, впрочем, и проводимый в стране террор, задело короля, и, вернувшись в страну, он резко обрушился на железнодорожников, в результате чего Кодряну и одиннадцать других руководителей и активных деятелей «Железной гвардии» были сначала заключены в тюрьму, а затем казнены якобы при попытке к бегству. Фактически – застрелены в тюрьме. Такая же участь ожидала Антонеску, тогда еще генерала.

Поведение короля возмутило фюрера, и он даже приказал вернуть румынские ордена, полученные им ра-

нее. После этого отношения между странами стали несколько натянутыми. Но наши потребности в нефти все же сыграли определенную роль, и в феврале 1939 года королю было заявлено, что возврат орденов связан напрямую с его нетерпимым отношением к железногвардейцам, но, тем не менее, наступившее охлаждение между странами можно исправить поставками нефти для Германии и заключением экономического договора.

Вскоре соглашение было заключено, а англичане и французы были оттеснены румынами в сторону – как не желавшие дать гарантии и оказать помощь Румынии в интересующих ее вопросах.

Когда русские вступили в Бесарабию, Кароль II вновь обратился к Германии за помощью и с просьбой установить более тесное сотрудничество, с учреждением в Румынии наших военных миссий для реорганизации и обучения по германскому образцу деморализованной в результате последних событий румынской армии. Однако и после этого король не изменил свое отрицательное отношение к «Железной гвардии», хотя и знал, что ее деятельность направляется нами, в лице фон Большвинга, Крюгера, Конради и Шиккерта.

В этой связи, весной 1940 года, фюрер опять оказал давление на короля, отказал ему в направлении в Румынию германских военных миссий и передал венграм Северную Трансильванию, дав таким образом железно-

гвардейцам, как последовательным сторонникам расширения жизненного пространства Румынии, новый повод для усиления пропаганды против короля, которого они объявили виновным в потере румынских территорий.

Наш румынский друг, генерал Антонеску, будучи тогда приверженцем «Железной гвардии», явился к королю с требованием назначить его главой правительства Румынии для исправления ситуации, сложившейся с венграми, и был арестован.

Мы ответили ультиматумом, иначе это назвать нельзя, об освобождении Антонеску из-под стражи, заявив, что в противном случае просьба об учреждении германских военных миссий в Румынии удовлетворена не будет.

В начале сентября 1940 года Антонеску был освобожден и с нашей помощью стал главой румынского государства, а король вынужден был уехать за границу. Все препятствия были устранены, и в октябре 1940 года в Румынию прибыли наши военная, военно-воздушная, военно-морская и военно-экономическая миссии, которые окончательно подчинили румынскую политику, экономику и армию интересам Германии, а также подготовили Румынию к войне против большевиков.

Однако в январе 1941 года железнодорожники во главе с Хорией Сима²⁶ подняли путч уже против Антонеску.

²⁶ Хория Сима (рум. – Horia Sima, 1907–1993). Один из руководителей «Же-

Путч был подавлен силами румынской армии без привлечения немецких войск, хотя мы были к этому готовы.

Не секрет, что «Железная гвардия» по существу являлась организацией, деятельность которой осуществлялась под руководством СС и напрямую – Гиммлера. А Антонеску оценивался фюрером как «свой человек».

Поэтому конфликт между двумя нашими сторонами был нежелателен, и, сделав ставку на Антонеску, 120 наиболее активных деятелей «Железной гвардии» во главе с Хория Сима были переправлены в Германию.

Разыгранная карта оказалась, таким образом, козырной – мы сохранили удобное для нас правительство Антонеску и, поддержав кадры «Железной гвардии», дали знать генералу, что, в случае, если он попытается выходить за рамки политики Германии и не станет защищать ее интересы, мы всегда сможем поставить на его место у власти железногвардейцев.

Кстати, экономическое соглашение между Германией и Румынией представляло собой фактически подчинение румынской экономики задачам нашего четырехлетнего плана. По этому договору Румыния должна была поставлять нам ежегодно 4 млн. тонн нефтепродуктов, а также большое количество хлеба, фуража и сырьевых припасов.

лезной гвардии». После убийства К.З.Кодряну (30.11.1938 г.) стал лидером «Железной гвардии».

Вся румынская промышленность была построена в соответствии с нашими требованиями для производства необходимой нам продукции, главным образом, военной. Мы получили право строить автострады и аэродромы на территории Румынии. С нашей стороны обязательства исполнялись поставками оружия, техники, средств связи и обмундирования, поставкой на румынские авиазаводы необходимых материалов и оборудования. Кроме того, мы направили наших специалистов для руководства и контроля румынской промышленности.

Румыния выполняла поставки, но нам требовалось больше продовольствия. Отмобилизованная армия – это затраты. Конечно, с потерей Бессарабии поставки продовольствия снизились, однако обязательства следовало выполнять, и Румынии пришлось компенсировать недостачу из собственных районов. Бессарабия – это была потеря, и прежде всего продовольствия, что ощущалось. Я не готов сейчас сказать, какое его количество вывозилось из Бессарабии ежегодно, но уверен, что этого бы хватило, чтобы обеспечить нужды, например, нашей 11-й армии. Впрочем, объемы продукции всегда можно отследить по архивным записям. Если это интересно...

– Архивы? Архивы – это всегда полезно... Скажите, майор, – Отто потер висок, – а где в городе был архив? Он же должен здесь быть.

– Действительно, он есть. Здесь недалеко. Если вам

интересно, я распоряжусь – офицер проводит вас до места.

– Это было бы весьма кстати. Но разве большевики не вывезли архивы?

– Частично. При боях за город в здание были попадания, разрушения значительны, и часть хранилищ завалена. Вы можете убедиться сами. Документы, относящиеся к деятельности большевистских организаций, которые не успели эвакуировать, мы перевезли сюда, в подвал. Все остальное для нас не представляет особого интереса.

– А мы с удовольствием покопались бы в старых бумагах, – улыбнулся мне Отто, – не так ли, штурмбан-фюрер?

Я уловил мысль Отто и даже немного расстроился, что она не пришла в голову мне первому. У нас появился шанс, и этим следовало воспользоваться. Чем черт не шутит...

– Майор, мы хотим посмотреть архив, – сказал я, – как быстро можно это организовать?

– Думаю, в течение получаса.

– Отлично. Давайте, еще по рюмочке. Вы интересный рассказчик!

– Я обязан был ввести вас в курс дела, – Цолер улыбнулся, – возможно, я слишком углубился в детали, но в нашем деле мелочей не бывает, не так ли?

– Конечно. Я предлагаю выпить за наш успех!

Все встали, приветственно подняв бокалы. Зазвонил телефон. Майор выпил, поставил рюмку на стол, извинился и снял трубку:

– Цолер у аппарата...

Каша давно закончилась, а чай остыл. Я просто забыл про него. Сергей Николаевич был прав. Дневник был интересен не только описанием подробностей пребывания в Бессарабии и войны глазами этого Эриха, но, самое главное – целью экспедиции. Теперь появились первые детали поиска, и я решил для себя, основываясь на информации дневника, попытаться параллельно с повествованием собрать материалы по Потемкину, его окружению, в частности, по тем людям, которые относились к ближнему кругу князя.

Я даже собрался, было, начать поиск немедленно, но, поняв, что без надлежащей подготовки он будет совершенно бессистемен, отложил это на ближайшие выходные.

Конечно, затраты на перевод существенны, и впереди еще достаточно страниц, но интрига... Меня зацепило, и я стал перебирать, кого бы можно было подключить к переводу, чтобы разделить издержки. Впрочем, довольно быстро я отказался от этой идеи. Неизвестно, что там дальше, но пока лишь я владею полной информацией, и привлечение кого-либо со стороны означало ее распространение, а этого чертовски не хотелось.

На часах уже было начало второго ночи. Пора в койку, завтра разберемся, как быть дальше.

Эпизод 6. То, что мы ищем

Утром – подъем в 7 часов, кроме чашки кофе с молоком – никакая еда не лезет, сигарета по дороге через двор к машине – еду на работу.

Выезд к Боровскому шоссе – привычная пробка. Точечная застройка дает о себе знать. До МКАД добрался минут за 20–25. Весь путь от дома до Подольска занимает примерно 40 минут. Потом – рабочий день с расчетами, телефонными звонками, отгрузками и выездами на рекламации. Рутинно и однообразно, но все же интересно. Человек должен получать удовольствие от работы, и я его получаю. В некотором роде – идеальный вариант.

В рабочей суете я как-то забыл позвонить Сергею Николаевичу и вспомнил об этом только по дороге домой.

– Алло...

– Сергей Николаевич, добрый вечер, это Игорь. Как себя чувствуете?

– Спасибо, не скажу, что хорошо, но лучше. Есть лекарства – даст бог, поправлюсь.

– Желаю, чтобы так и было. Прочитал ваш перевод.

– Что скажете?

– Интригует.

– Вот и меня тоже.

– Если бы не видел собственными глазами фотокопии до-

кументов – не поверил бы. Роман просто...

– Ну да. Я пока болею, начал дальше переводить. События развиваются.

– Что там?

– Не буду рассказывать. Заберете – сами прочитаете.

– А когда можно подъехать?

– В этот раз будет, я думаю, быстрее. Сегодня у нас – что?.. Четверг? Давайте, в следующий вторник.

– Хорошо, вторник, так вторник. Во сколько?

– В любое время, только не раньше девяти утра и не позже десяти вечера. Я буду дома – продолжаю лечиться. Сами понимаете – чем старше человек, тем труднее подняться на ноги. Словом, будете выдвигаться – звоните.

– Конечно. Выздоровливайте!

– Спасибо. До встречи!

– До встречи!

Положив телефон на соседнее сиденье, я улыбнулся своим мыслям. Удачно все складывается. И мужик нормальный нашелся, и тема интересная. Одна проблема – денег не напасешься на все это удовольствие. До вторника надо найти ещё 256 долларов...

Однако, начиная с субботы, меня «накрыл» денежный поток. Сначала вернули долг годичной давности – почти 30 000 рублей, а в воскресенье сосед Саша попросил (в частном порядке) поставить на его объекте стеклянную перегородку с маятниковыми дверями. На этом можно срубить еще тысяч

двадцать. Жизнь налаживается!

Все воскресенье мы с Сашей ставили перегородку, а в понедельник во время вечернего перекура на лестничной площадке я получил обещанный гонорар. Теперь можно было как минимум месяц не думать о привлечении на перевод средств со стороны.

Устроив все дела, я вырвался в Москву. Созвонившись с Сергеем Николаевичем и убедившись, что никаких изменений не предвидится, и наша встреча не перенесена, я сообщил, что выезжаю, и через полчаса летел по Симферопольскому шоссе в сторону столицы. Предчувствие новых деталей поиска Эриха подгоняло меня, и, долетев до съезда на МКАД по почти пустому шоссе, я влился в поток машин внутреннего кольца, продолжая движение на скорости 100–110 км/ч.

Около четырех часов дня, быстро найдя место для парковки и прихватив с собой портфель с ноутбуком, я был на месте. Мне повезло. Когда я уже собрался набрать номер квартиры Сергея Николаевича, дверь подъезда, попискивая кодовым замком, распахнулась, и какая-то бабуля с тележкой на колесиках, тяжело дыша, выбралась на улицу. Придержав дверь, я зашел внутрь и, перепрыгивая через ступеньку, вбежал на третий этаж. Звонок в квартиру не работал – пришлось стучать. Вскоре я услышал шаркающие шаги, а затем – вопрос из-за двери:

– Кто?

– Это Игорь. Мы договаривались о встрече.

На площадке зажегся свет, дверной глазок потемнел на несколько секунд и опять стал прозрачным. Из-за двери меня рассматривали. Замок щелкнул, открываясь, и в проеме я увидел Сергея Николаевича, в том же атласном халате, с носовым платком в руке. Он поднес платок к лицу, одновременно кивком головы предлагая зайти.

Я быстро снял сапоги и куртку, захватил портфель – все это время Сергей Николаевич ждал меня в коридоре, наблюдая за моими действиями, и направился за ним на уже знакомую кухню.

– Садитесь, будем пить чай. Или хотите перекусить? – он вопросительно посмотрел на меня, пряча платок в карман халата.

– Да нет, не стоит. Не скажу, что сыт, но и есть не очень хочется. Может быть, попозже. И вместо чая, если можно, кофе. Я вообще-то кофеман, как говорится. Весь день живу на кофе. Так что? Пьем?

– Конечно, можно и кофе, тем более что я прикупил заварного, специально для вас. Сам я, видите ли, им не злоупотребляю – годы... Но о вас позаботился, – он был явно в лучшей форме, чем в прошлый раз.

– Спасибо! Неожиданно и приятно!

– Сервис, – он взглянул на меня, и улыбнулся, – тем более вы мне лекарства покупали.

– Да ладно... Но за внимание – спасибо!

Сергей Николаевич зажег газ, достал из шкафа турку и пакетик с кофе:

– Пойдет такой?

Коричнево-оранжевая 250-граммовая упаковка: Selection El Salvador. Pur Arabica. Я повертел пакет в руках. Все надписи были на французском языке, и только на небольшой белой наклейке по-русски указывались дата изготовления и срок хранения, а также: «100 % арабика с равнин Лос Плейнс, Сальвадор».

– Не пробовал такого, но надеюсь на ваш вкус.

– Пустое. Я не специалист – просто положился на совет продавца и выбрал подороже. Думаю, хороший.

Я достал ноутбук.

– Здесь есть розетка?

– Там, за вашей спиной.

– Вы не торопитесь?

– Я на пенсии, – он рассмеялся, – мне, в общем-то, некуда торопиться.

По кухне поплыл нежный аромат кофе. Сергей Николаевич снял турку с огня, поставил вместо нее чайник и налил кофе в чашку.

– Вот сливки и сахар, – он показал на молочник и сахарницу на столе. Кусочки желтого тростникового сахара заполняли сахарницу доверху.

– Д-а-а-а... Вы меня явно балуете... сливки, тростниковый сахар, – я покивал головой и, бросив три кусочка саха-

ра в кофе, добавил сливки, – только сигареты не хватает для полного счастья. Я – на балкон...

– Подождите, – Сергей Николаевич вышел в комнату, а через пару минут вернулся с массивной хрустальной пепельницей и файлом с бумагами в руках. – Курите здесь. Мне уже лучше, теперь можно. Вот ваш перевод – смотрите, а я – сейчас...

Вернувшись, он устроился за столом напротив и стал набивать трубку.

– Пожалуй, я тоже себя побалую под чаек. Удачно продал две книги – можно покутить.

Пододвинув поближе к себе пепельницу, я закурил и принялся за чтение...

Цолер, молча, слушал голос в телефонной трубке. Разобрать, о чем шла речь, было сложно, но, видимо, о чем-то важном.

– Хорошо, – сказал майор, – а что 5-я пехотная румын? Она же была в том районе. Есть плотное взаимодействие? Да. И поддержка артиллерией? Отлично! Докладывайте каждый час. Все... – он повесил трубку.

Мы вопросительно смотрели на него.

– Последние данные. 105-й пехотный полк 72-й дивизии уже на восточном берегу с тяжелым вооружением и ведет бой, 121-й пехотный полк 50-й дивизии тоже сумел форсировать Днестр, а 122-й полк закрепился лишь

передовыми соединениями... Я обещал вам сопровождающего? Погодите.

Он опять взялся за телефон.

– Срочно найдите оберлейтенанта Краузе и направьте ко мне, – положив трубку, Цолер обратился к нам. – Краузе – толковый парень, сегодня он в полном вашем распоряжении.

Через полчаса мы уже добрались до архива. Со стороны улицы здание казалось уцелевшим, только стекла были выбиты, а некоторые окна забиты досками. У дверей стояли два румынских солдата и наш унтер-офицер. Краузе сделал ему знак, отдал распоряжение, и мы вошли внутрь здания.

Глаза привыкали к темноте несколько секунд, весь пол был покрыт толстым слоем пыли, осколками стекла, листами бумаги с машинописным текстом. В воздухе стоял стойкий запах гари.

– Здесь был пожар? – поинтересовался я.

– Да, – ответил Краузе, – после попадания снаряда загорелись бумаги, но мы пожар потушили, впрочем, сейчас сами увидите.

Мы прошли полутемным коридором, толкнули ещё одну дверь – в лицо ударил солнечный свет. За дверью уцелевшая часть здания закончилась, и перед нами предстала картина разрушения. Повсюду, среди остатков стен, упавших балок, разломанной мебели были разбро-

саны книги. Их было много. Они были везде – целые, частично обгоревшие, раскрытые и пыльные, мокрые...

– Вам был нужен отдел исторических документов? Вот он, – Краузе указал рукой на то, что когда-то было обширным помещением, возможно, хранилищем или библиотекой, – что вы здесь хотели найти?

Отто поддел носком сапога одну из книг в тряпичном переплете, стряхнул пыль рукой, потом сдул ее и открыл книгу.

– 1887 год. Документы Дворянского собрания г. Кишинева. Вы разбирали книги? – спросил он у Краузе.

– Еще нет. Здание, как видите, охраняется. Отсюда вывезли только оставшиеся бумаги по 1940 и 1941 годам – они были в уцелевшей части здания. За исторические документы еще не принимались.

Закурив и жуясь от дыма, я обратился к Отто:

– Странно, что люди Розенберга²⁷ еще сюда не добрались.

²⁷ Альфред Розенберг (нем. Alfred Ernst Rosenberg, 1893–1946) – один из руководителей 3 Рейха. Имел российское происхождение – родился в Ревеле (Таллине). Член НСДАП с 1920 года. С 1923 года – главный редактор газеты «Фолькишер беобахтер» (Völkischer Beobachter) – центрального органа НСДАП. С 1933 года – руководитель Внешнеполитического управления НСДАП. С 17.07.1941 – рейхсминистр оккупированных восточных территорий. Оперативный штаб рейхсфюрера Розенберга (Айнзацштаб рейхсфюрера Розенберга) занимался конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий СССР. Интерес для айнзацштаба представляли в основном книги и архивные документы, материалы идеологической и пропагандистской направленности, различные информационные материалы в т. ч. экономического характера.

Впрочем, эта территория относится к румынской зоне влияния.

Оберлейтенант страхивал пыль с рукава кителя.

– Послушайте, Краузе, пока румыны не навели здесь порядок, организуйте нам в помощь взвод солдат. Привлеките население, пусть начнут разбирать завалы. Все книги надо отсортировать по годам и содержанию. Ни одной бумаги не должно пропасть – по окончании работы обыскивать всех... и солдат тоже. Книги, документы, датированные с 1791 по 1830 год, если такие будут найдены – сложите отдельно в каком-нибудь из помещений в сохранившейся части здания. Найдите бывших сотрудников архива, пусть помогут. Нас интересуют все материалы, в которых фигурирует имя Потемкина – их необходимо сложить отдельно. В помещении, где будут находиться отобранные книги и документы, не должно быть окон. У дверей поставьте охрану. Сколько времени вам потребуется, чтобы все организовать?

Краузе обвел взглядом картину разрушения...

– Думаю, дня четыре, может быть – пять, чтобы разобраться с бумагами. Много книг. Потом... разрушения... Кроме того, я не думаю, что румыны будут довольны нашим вмешательством.

– Об этом не тревожьтесь. С комендантом города вопрос будет решен. Что касается сроков – уложите в два дня. Максимум – в три. Привлекайте столько людей,

сколько потребуется. Пусть работают ночью. В конце концов, пригоните на тяжелые работы евреев. В этом городе, я знаю, их было немало, или – нет?..

– Их достаточно. Теперь уже приступают к организации гетто.

– Вот пусть и работают! Если среди них есть специалисты, библиотекари, бывшие архивные работники – неважно, работали они здесь раньше или нет, пусть займутся сортировкой. С работниками архива состоится отдельный разговор, они нам очень интересны. Ещё раз повторяю – разыщите всех, кто не ушел с большевиками. О результатах докладывайте ежедневно. Первый доклад сегодня, к 20.00 у майора Цолера. Все ясно?

– Так точно, господин штурмбанфюрер!

– Приступайте, – я бросил окуроч в разбитый цветочный горшок и повернулся к Отто, – ничего, полковник Тудосе²⁸ возражать не будет – без нас они бы так и остались за Прутом. Просмотрим документы – и пусть себе забирают.

25 июля 1941 г.

Часть книг и записей из исторической секции утеряна, часть – в ужасном состоянии. Я отдал распоряжение о спасении остатков исторической секции архива и

²⁸ Д. Тудосе (colonel D.Tudosie) – в 1941 году полковник, помощник начальника штаба 4 румынского корпуса. Был назначен военным комендантом г. Кишинева и окрестностей. Занимал должность с 18.07.1941 по 01.09.1941.

о сортировке материалов, датированных 1791–1830 годами, где упоминается Потемкин. Двух дней на сортировку с учетом разбора завалов, конечно, мало, но я надеюсь, будут какие-то результаты, проливающие свет на предмет нашего поиска. Вопрос с комендантом решен. Ждем 27 июля.

Данные разведки показывают обеспокоенность противника нашими действиями. LIV (54) армейский корпус в последних боях показал свое превосходство над русскими. 17 июля 72-я пехотная дивизия совместно с румынскими подразделениями взяла Кишинев. Атака велась с трех сторон – с севера и юга атаковали румыны, наши войска наступали с запада. 19 июля передовые германские части уже вышли на берег Днестра. Чтобы не дать отступавшему противнику передышки и возможности закрепиться на занятых рубежах, после рекогносцировки и проведенной разведки, решено было атаковать русских одновременно в двух точках побережья, где, по нашим данным, имелись слабые места для обороны. Принципиально оборонительные позиции русских были хороши, но комплектация укрепрайонов была неполной и частично из призывников 1941 года – необстрелянных бойцов. Поэтому, а также исходя из дислокации частей противника, нами были определены точки форсирования и направления ударов.

25 июля утром, форсированием Днестра, мы нача-

ли боевые действия на восточном берегу своего участка фронта. В определенной степени нам сопутствовал успех – по одному полку 50-й и 72-й дивизий удалось пересечь реку без существенных потерь, два других полка были вынуждены искать новые точки для переправы из-за сильного огня противника. Новый день покажет, как будут развиваться события.

Ужинали с майором Цолером.

Краузе старается. Началась сортировка книг, к работе привлечены несколько бывших архивных работников.

26 июля 1941 г.

Русские бомбят переправы в районе 72-й пехотной дивизии. Наш 124-й полк переправляется мелкими группами. Сильный огонь. Меняем место форсирования. Большое количество штурмовых лодок вышло из строя. 105-й пехотный полк ведет бой на восточном берегу южнее Погреба в районе противотанкового рва. Утром противник контратаковал, атака отбита, и полк с боем продвинулся к высоте 170 севернее от с. Дороцкое.

Передовые подразделения 124-го пехотного полка заняли укрепленную высоту 181 восточнее Карантин и ведут бой перевернутым фронтом.

В зоне ответственности 50-й пехотной дивизии, южнее Кочиер, реку форсировали передовые части 122-го пе-

хотного полка и 121-й пехотный полк в полном составе. 121-й полк ведет бои на восточном берегу, 122-й продолжает переправу под сильным огнем противника.

122-й пехотный полк на восточном берегу.

124-й полк вошел в Карантин.

Есть первые результаты по архивным документам.

Документы с упоминанием имени Потемкина, не входящие во временные рамки установленных дат, также складываются отдельно.

27 июля 1941 г.

Наши войска с боями уверенно продвигаются вперед.

266-й пехотный полк введен вторым эшелоном для ликвидации узлов сопротивления, обойденных передовыми частями.

Начались работы по наведению переправы в районе дислокации 72-й пехотной дивизии. Работы ведутся под непрерывным огнем противника, поддержанного налетами авиации.

105-й пехотный полк продолжает продвижение вперед и достиг высоты 173 севернее Григориополя, 266-й пехотный полк закрепился на линии Дубоссары – Глинное. В бой введены части 73-й пехотной дивизии.

Части 121-го пехотного полка в районе Кочиер ночью и утром отбивали русские контратаки с юга. Утром

атаковали район Кочиер – Роги при поддержке авиации. Контратаки противника в направлении от Коржево на восток отбиты.

Части нашей 50-й пехотной дивизии к вечеру заняли Роги и завязали бои на окраине Дубоссар. Подразделения 72-й и 73-й пехотных дивизий продолжают движение на восток, заняв Дороцкое.

Вечером мы встречаемся с оберлейтенантом Краузе. Есть новые находки.

– Знаете, коллега, – Отто отодвинул книгу, – мы уже почти 15 часов разбираем документы, но не продвинулись ни на шаг.

Он откинулся на спинку стула и потер двумя пальцами переносицу.

Генрих закурил и глубоко затянулся. За стеной та-рахтел генератор, тускло светила лампа под потолком, небо за окном было усыпано звездами.

– Смотрите, какое небо. Здесь, на юге, небо совсем другое, не такое, как у нас. Глубокое, бездонное... Если долго смотреть на звезды, такое ощущение, что проваливаешься в бездну... Положительно, мне здесь нравится. Когда закончится война, я, пожалуй, осяду в этих краях.

– Если долго всматриваться в бездну – бездна начнет

всматриваться в тебя, – усмехнулся Отто. – Вспомните Ницше, друг мой!

– Я не разделяю ваш скепсис, – заметил я, – даже если мы ничего не нашли, это вовсе не означает, что мы не продвинулись ни на шаг. Что мы имеем? Мы вернулись к прежнему предположению – предмет, интересующий нас, мог находиться либо у Браницкой, либо у доктора Санковского. Пожалуй, я бы добавил еще Попова. Давайте рассуждать. Воспоминания очевидцев свидетельствуют, что эти двое – Браницкая и Санковский, были рядом с умирающим. Что же касается третьего – это личный секретарь князя. Если, как предполагается, амулет был при князе в момент его смерти, то это значит, кто-то из них, скорее всего, и стал обладателем предмета.

– Вы забыли про Массота – он проводил вскрытие, – сказал Отто, постукивая пальцами по обложке книги.

– Массота, думаю, можно исключить, – возразил я. – После вскрытия все личные вещи князя наверняка были переданы Браницкой, как родственнице.

И вообще, благодаря поддержке императрицы, большая часть наследства Потемкина перешла к ней.

– Ни в одном из обнаруженных здесь источников этого нет, – отвлекся от звезд Генрих. – В воспоминаниях вообще ничего не говорится о личных вещах. Только о подарках.

– Личные вещи, особенно представляющие ценность для владельца, не выставляются напоказ. Вот, например, нательный крест. Его не носят поверх одежды. Это не украшение, это – личное, символ веры. Амулеты, как правило, также не афишируют, поэтому, скажем, ладанки тоже носили и носят на теле, под одеждой. Вряд ли мы найдем прямое упоминание об амулете Потемкина. Однако известно, что этот предмет у него был. Нам необходимо найти ответ на вопрос – куда он исчез?

Однако вернемся к трем вероятным обладателям амулета. Санковский, Браницкая и Попов. Из всех троих, Браницкая постоянно контактировала с умирающим – гладила его лоб, руки, поправляла подушку. Склонен предположить, что если князь передал амулет, то только ей. Браницкая, в свою очередь, могла оставить этот предмет у себя, но могла и передать его Попову. Санковский подносил икону. Передать что-либо ему незаметно было, скорее всего, невозможно. Доктор Массот, проводивший вскрытие, не мог присвоить себе чужое, тем более вещь человека, которого он уважал и был определенно близок к нему, как к пациенту. Если предмет нашел он – то, вероятно, передал вместе с остальными вещами самому близкому человеку князя – Браницкой. Впрочем, не исключается и Попов, но это маловероятно...

– Почему вы думаете, что Браницкая могла так поступить? – Генрих выпустил струю дыма.

– Браницкая?.. Как? Передать Попову? Ну, здесь есть некая логика. Нельзя утверждать однозначно, но мотив мог быть следующий. Прошу не забывать, коллеги, что женой Потемкина была императрица. Да, этот тайный союз был настолько силен, что даже после того, как императрица и князь отделились друг от друга, их отношения оставались настолько близкими, что ссоры между ними и взаимные обиды иначе как семейными не назовешь. Об этом пишет и Барсков²⁹, а он имел доступ к архивам и переписке Екатерины II. Кроме того, от этого морганатического брака у них была дочь – Елизавета Темкина³⁰. Во всяком случае, эта информация не опровергнута. Я про Темкину. Да и в переписке с князем императрица неоднократно называла его своим мужем, а себя – его женой, причем даже в периоды, когда у нее были другие фавориты.

Так вот, логично, если амулет в любом случае попа-

²⁹ Яков Лазаревич Барсков (1863–1937) – историк русской литературы XVIII века. Ученик Ключевского. Занимался разбором рукописей дворцового архива, имел доступ к разнообразным, в том числе закрытым историко-литературным материалам. Участвовал с 1904 по 1907 гг. в составлении и комментариях 12-томного академического издания сочинений Екатерины II (в советское время было запрещено к печати). Документы включали в себя мемуары Екатерины II и другие связанные с ее царствованием документы.

³⁰ Елизавета Григорьевна Темкина (1775–1854) – предположительно (достоверных свидетельств нет), дочь Г.А.Потемкина и Екатерины II от морганатического брака. Воспитывалась в семье Самойловых (сестры Г.А.Потемкина). Обладала значительными поместьями в Херсонской губернии. В 1794 году вышла замуж за секунд-майора Ивана Христофоровича Калагеорги.

дает к Браницкой. Та, в свою очередь, зная об отношениях между Потемкиным и Екатериной II, могла передать его Попову для императрицы, как личную вещь ее мужа – на память. Этот вариант нельзя исключать, хотя это лишь предположение.

– Заметьте, мы все предполагаем, что предмет был у князя в момент его смерти. А если это не так? – заметил Отто.

Я возразил:

– Маловероятно. Никогда ни один из владельцев амулета самовольно с ним не расставался. Сила амулета настолько велика, что владелец, осознавший это, психологически просто не может сделать это. Предполагаю, что добровольная передача амулета возможна лишь в исключительных случаях. Поскольку Потемкин всегда был на острие политики и боевых действий – он не мог, не был готов расстаться с предметом, который давал ему столько возможностей. Заметьте, весь жизненный путь князя – путь побед. Даже враги, отзываясь о нем нелестно, признавали, между тем, его силу и величие как государственного деятеля и полководца. Я остаюсь при своем мнении – амулет был при князе в момент его смерти. Он не мог с ним расстаться. Ведь Потемкин не собирался умирать! Иначе, зачем пустился в дорогу?

– Предположим, – согласился Отто. – Значит, вы считаете, что следующей обладательницей амулета стала

Браницкая?

– Здесь есть сомнения. Владельцем предмета она могла быть только временно. Дальнейшая жизнь Браницкой ничем знаменательным не отмечена, впрочем, как и жизни Санковского, Попова, Массота. Возвращаясь к нашим предыдущим рассуждениям, я склонен утверждать, что предмет все же попал к Попову. Это, разумеется, лишь интуитивное предположение.

– Хорошо, – продолжал разговор Генрих, возясь со спиртовкой, чтобы приготовить кофе. – Из этого делаем вывод, что перед нами стоит задача – отследить пути Браницкой и Попова после смерти Потемкина. На мой взгляд, это единственный вариант.

Я прищурился, выпуская сигаретный дым:

– Безусловно. Вы правы. Нам необходимо повторить весь путь Попова и Браницкой. Попова – к императрице, Браницкой – в ее имение. Кстати, оно недалеко от Кишинева, каких-то 300–400 километров – под Белой Церковью. Но это ничто по сравнению с тем, какой путь мы проделали, добравшись сюда. Если наши войска будут продвигаться вперед такими темпами, то, думаю, в августе, максимум – в начале сентября, мы будем там.

Что же касается Попова, то наши карты легли удачно – дорога на Петербург практически совпадает с дорогой к имению Браницкой, и до определенного момента путешествия Браницкой и Попова это один и тот же

маршрут. Нам следует обратиться к картам почтовых дорог, определить места вероятных остановок для смены лошадей и отдыха и пройти этим путем, уделяя максимум внимания именно местам таких остановок. Каждое такое место, Генрих, вы должны обследовать, если, конечно, сможете получить какой-либо результат по прошествии столь длительного времени.

– И снова ваш скепсис мне непонятен, – заметил Генрих, разливая кофе по чашкам, – мы использовали и используем экстрасенсов в разведывательной службе. И повторяю, что во французскую кампанию, используя лозу, я лично прокладывал проходы в минных полях. Я был в первом выпуске Версальской военно-инженерной школы.

– Отто, – сказал я с улыбкой, – наш Генрих – дальний родственник самого Хаусхофера³¹. Правда, как говорят русские – «седьмая вода на киселе», но именно благодаря своему дяде, он прошел очень полезную для нашего дела школу – дядя был его ментором, если я, конечно, не ошибаюсь в степени родства. Ну, а о Хаусхофере вам, вероятно, приходилось

³¹ Карл Эрнст Хаусхофер (нем. Karl Haushofer, 1869–1946) – ученый и военный, один из основоположников континентальной геополитики. Во время 1-й мировой войны – бригадный генерал. С 1921 г. – профессор географии Мюнхенского университета, основатель Института геополитики. Учитель и друг Рудольфа Гесса. Основатель и редактор (1924–1944) журнала «Цайтшрифт фюр геополитик» (Zeitschrift für Geopolitik). После провала Июльского заговора 1944, в котором был замешан его сын, Хаусхофер был арестован властями и посажен в Дахау. Покончил с собой 13 марта 1946.

слышать. Возможно, вы слышали и о Гурджиеве³². Их пути пересекались. А это дорогого стоит... Еще в первую войну, в 1914 году, Хаусхофер поражал способностью предсказания событий. Время атак противника, места будущих обстрелов. Были и политические прогнозы. Что интересно, так это то, что все его предсказания сбывались, хотя он никак не мог заранее владеть информацией, каким-то образом ставящей под сомнение чистоту этих предсказаний.

– Слушая вас, я начинаю расти в собственных глазах. До дяди мне, конечно, далеко, но кто знает?.. – Генрих рассмеялся, – однако очень интересно, как амулет попал к Потемкину?

– В деле указано, что амулет получен им от Амвросия Зертис-Каменского³³, митрополита Крутицкого и Можайского.

³² Георгий Иванович Гурджиев (дата рождения согласно разным источникам 1866(1872, 1874, 1877) – 1949). Философ, психолог, мистик, путешественник, автор учения о внутренней реализации человека. Основатель «Института гармонического развития человека». Учение Гурджиева исходит из деградации человека путем утери ряда возможностей и знаний, что имеет общее в том числе и с другими мистическими учениями. В учении Гурджиева присутствуют элементы христианства, тибетского буддизма, суфизма, мистики Ближнего востока и Египта.

³³ Амвросий Зертис-Каменский (до пострижения – Андрей Степанович) (1708–1771) – один из ученейших и образованнейших людей своего времени, знаток латинского, греческого и еврейского языков. Окончил Киевскую духовную академию, Львовскую духовную академию. В 1739 г. пострижен в монахи, был учителем в Александро-Невской духовной семинарии, в 1742 г. назначен префектом этой семинарии, а в 1748 г. архимандритом подмосковного ставропигиального монастыря «Новый Иерусалим». В 1753 г. назначен епископом Пе-

Князь во время обучения в университете побывал в Греческом монастыре³⁴, где и получил этот подарок. Митрополиту понравились характер Потемкина, его целеустремленность, интеллект. Кстати, их дружеские отношения продолжались вплоть до самой смерти митрополита, который, к тому же, был духовником Потемкина. Это стоит отметить особо.

Как предмет попал к митрополиту – неизвестно. Впрочем, можно предположить, но об этом чуть позже.

Ранее амулетом владел Александр Невский, который не расставался с ним до самой смерти, далее следы амулета теряются. Невский же получил амулет как трофей после битвы с ярлом Швеции Ульфом Фаси³⁵. Как

реяславским и Дмитровским, в 1764 г. возведен в сан архиепископа Крутицкого, в 1768 г. императрица Екатерина II назначила его архиепископом Московским и поручила ему возобновление трех московских соборов: Успенского, Благовещенского и Архангельского. Погиб трагической смертью в Донском монастыре, растерзанный толпой 16 сентября 1771 г. при возмущении черни во время чумы, свирепствовавшей в Москве. Погребен там же.

³⁴ Николаевский (Никольский, Николо-греческий) монастырь в Москве. Впервые упоминается в летописях в 1390 году. 19 мая 1669 года, в день перенесения чудотворного образа Иверской иконы в новую часовню Никольского монастыря, царь Алексей Михайлович пожаловал греческому архимандриту Дионисию грамоту на вечное владение Никольским монастырем Афонскому Иверскому монастырю. С тех пор московский Никольский монастырь стал именоваться Греческим. Закрит в начале 1920-х годов, собор снесен в 1935 году. Оставшиеся монастырские постройки используются в настоящее время под научные и торговые учреждения.

³⁵ Ульф Фаси – верховный правитель Швеции, возглавил поход против Руси в связи с объявлением в 1237 году папой римским Григорием IX второго крестового похода в Финляндию и Русь. В 1240 году отряд ярла Ульфа Фаси был

появился амулет у Фаси – неизвестно, но в 1240 году, во время второго крестового похода в Финляндию и на новгородские земли, он у него был.

Необходимо отметить, что русский князь спланировал операцию бестяще. Внезапной атакой его отряд вызвал панику у шведов – те не подозревали о возможном нападении и не были готовы к бою, поскольку сняли доспехи, расположившись на отдых. Разгром был настолько неожиданным для них, что, бросив лагерь и имущество, они отступили. Отряд русских был значительно меньше отряда шведов. В этом бою, вероятнее всего, и был получен амулет. Кстати, после потери амулета дела у ярла пошли неважно, а через восемь лет, если мне не изменяет память, Ульфа Фаси сменил другой ярл – Бригер, участвовавший в том походе вместе с Фаси. Тогда, во время нападения на лагерь, Невский и Бригер бились в поединке, и Невский выбил Бригера из седла, нанеся ему удар копьем в шлем. Бригера вынесли с поля боя его соратники. Рассматривайте это как некий исторический экскурс – к делу отношения не имеет.

Отмечу, что все последующие боевые успехи Невского были блестящи.

Теперь – о том, что же представляет собой сам предмет. В прошлый раз я не успел закончить описание – нам

внезапно атакован князем Новгородским Александром и разбит. В историю этот бой вошел как Невская битва.

помешали. Итак, мы помним, что он был навершием меча, металлический. Возможно, имеет вставку из яшмы ярко-зеленого цвета. По форме круглый, размером с куриное яйцо, ну, примерно, 4 сантиметра в диаметре. По кругу есть какая-то надпись, содержание которой неизвестно. В центральной части – руноскрипт *Tiwaz-Algiz-Uruz*³⁶. Это все, что мы знаем. О свойствах амулета я рассказывал раньше. Возможно, если мы его найдем и прочитаем неизвестную надпись, откроются новые данные. Прижизненного портрета князя нет, поэтому увидеть то, что мы ищем, даже в художественном исполнении невозможно.

Теперь – моя версия того, как амулет попал к Амвросию.

В 1262 году Александр Невский серьезно заболел и, как я понимаю, именно поэтому решил посвятить свою дальнейшую жизнь церкви. Он принял монашество под именем Алексия и в 1263 году скончался. Стоит отметить, что Невский был особо почитаем православным духовенством, которое не раз утверждало, что он есть дар Божий. Могу предположить, что амулет со смертью князя перешел к церкви. На мой взгляд – вполне логично. А иначе – откуда он у митрополита?..

Положив листы перевода на стол, я закурил очередную

³⁶ Сочетание рун, включающее в себя: руну войны, руну защиты, руну мощи и силы.

сигарету. В пепельнице уже лежали три окурка, кофе в чашке остыл, а по кухне стлался дым, смешивая запах моего Marlboro и аромат трубочного табака.

– Ну, как? – Сергей Николаевич смотрел на меня с улыбкой.

– Сильно. Если честно, я совершенно не ожидал, что когда-нибудь получу подобные документы. Надо же... Каждый раз, читая перевод, жалею, что не владею немецким и не могу самостоятельно прочесть все – от начала и до конца. Знаете, когда читаешь интересную книгу, тяжело оторваться.

– Это так, – он выпустил клуб дыма.

– Обычно я читаю на ночь, и если действительно затягивает, то засыпаю с книгой в руках. Борюсь со сном до последнего момента, теряю нить, перечитываю снова, но держусь. В конце концов, либо книга выпадает из рук, либо жена начинает ворчать – приходится гасить свет. И так всякий раз и до тех пор, пока не дочитаю всю ее до конца. А здесь... здесь по-другому. Знаете, когда я был маленький, отец мне каждый вечер перед сном читал главу какой-нибудь книги. Более всего мне запомнился Жюль Верн – «Таинственный остров». Это было так захватывающе, что я каждый вечер с нетерпением ждал этого чтения. Так и сейчас, разница лишь в том, что я жду результата от вас и читаю с таким же удовольствием, как в детстве слушал.

– Да, воспоминания детства самые сильные, – Сергей Николаевич откинулся на спинку стула, – я всегда удивляюсь

тому, что помню себя, когда мне было 4 или 5 лет. Причем, отдельные моменты даже в деталях.

– Вот-вот. У меня то же самое. А вы какого года рождения?

– 1947.

– Понятно. Признаюсь, я примерно так и думал.

– Да? А вам сколько лет?

– Вот не поверите, как-то не придаю этому значения. Я 1964 года.

– Ну, вы сохранились лучше!

Мы рассмеялись.

– Сергей Николаевич, скажите, что вы думаете об этих документах? Мне интересно ваше мнение. Предельно откровенно, мне действительно хочется знать.

Он потрогал нос и внимательно посмотрел на меня.

– Кажется, я вам уже говорил, что если источник этих записей надежен, то к вам в руки попали действительно интересные бумаги. Я никогда не читал ничего подобного, и, признаюсь, мне тоже хочется узнать, что там дальше. Я с удовольствием продолжу перевод и даже скажу больше – готов снизить цену в два раза, если вы согласны продолжать наше сотрудничество. Это значит, что страница оригинального текста вам обойдется в четыре доллара вместо восьми.

– Действительно приятное предложение! Я в любом случае готов был работать с вами, даже без снижения расценки.

– Ну, тогда считайте, что это мой подарок. Правда, я тоже

в выигрыше – и деньги зарабатываю, и читаю с интересом, поэтому мой выигрыш двойной.

– Договорились.

– Только вот что, – он серьезно взглянул на меня, – всякое может быть, поэтому не афишируйте свои материалы. Желательно, чтобы они не выходили за рамки наших с вами отношений, хотя бы до того времени, когда я закончу перевод. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Не совсем. Видите ли, я как любой нормальный человек, испытывая чувство эйфории от такой находки, решил поделиться информацией на форуме и загрузил несколько фрагментов из дневника, причем указал источник – архивы NARA³⁷. Правда, ничего более – лишь корявый перевод, еще мой тогда, местами даже некорректный, ну, так вот... Только и всего.

– Напрасно.

– Почему же?

– Ну, дело тут вот в чем. У каждого документа есть владелец. Тем более, у дневника. И я думаю, он не будет очень рад тому, что вы занимаетесь публикацией его материалов, не говоря уже о том, что они просто у вас есть.

– Владелец?! О чем вы? Этот Эрех Эйке давно умер! Столько лет прошло! Помните, он в начале писал, что имел

³⁷ Национальное управление архивов и документации (англ. National Archives and Records Administration (NARA)) – независимое агентство правительства Соединённых Штатов Америки. В ведении Национальных архивов в том числе состоит хранение оригиналов различных исторических документов.

какое-то опосредованное отношение к поискам в Монсегюре? Так эта экспедиция, если не ошибаюсь, была в 1937 году. Эйке в 1937 году не был мальчишкой, ну, предположим, что ему было лет 30, даже, скорее всего, больше. В дневнике нет даты его рождения или хотя бы каких-то точных временных ссылок, чтобы можно было определить его возраст. Ну, если в 1937 ему, скажем, было 30, то он 1907 года рождения. Сейчас ему должно быть более ста лет! Как он может быть жив?!

– Но есть дети, последователи, в конце концов, люди, которым это может быть интересно. Вы это понимаете?

– Ну и что? Что такого в том, что на свет всплыли несколько страниц этого дневника?

– Вы наивный человек. Мы с вами не знаем, что там дальше. Судьба предмета нам неизвестна. Да и вообще неизвестно, был ли сам предмет. Знаете, немцы были интересные ребята и совсем не дураки, как показывают зачастую в кино. Поверьте...

– Знаю, читал достаточно документов, чтобы получить представление, с каким противником мы воевали.

– Это так. А если предположить, что этот предмет был найден и оправдал себя, то это было известно автору дневника, а значит, и его хозяевам. Вы не предполагаете, что они не будут рады вашей публикации? В таких делах лишнее внимание – это плохо.

– Начнем с того, что я не до конца верю в само существование подобных предметов. Все эти магические предметы,

которые искали нацисты, все это овеяно ореолом тайны, и все это спорно. Согласитесь.

Он встал, подошел к плите и снова зажег конфорку.

– Хорошо. Вы будете еще что-то? Я лично выпью чаю.

– Можно, да.

– Смотрите, – он поставил на газ чайник, – немцы на ряде научных направлений достигли невероятных успехов – опередили время на десятки лет, и знаете – почему?

– Почему?

– Абсолютная свобода мысли. Абстрактное мышление. Отход от общепринятых представлений о процессах, причинах процессов, отход от материального. Это даже в дневнике написано. Это невероятно трудно, затратно, но результат был, и есть! Чтобы постичь что-либо и достичь каких-либо результатов, необходимо допустить и проанализировать все варианты, даже подчас невероятные. Вы же наверняка знаете, что они работали и с оккультными знаниями.

– Знаю. Именно это меня, скажем так, и напрягает.

– Всех напрягает то, что непонятно, неизведано и окутано завесой тайны.

– Вы верите в бога?

– А вы? – он обернулся и внимательно взглянул мне в глаза.

Я даже как-то растерялся.

– Ну... Я не определился. Во всяком случае, более склонен объяснить библейские истории умышленной интерпре-

тацией ранее произошедших событий.

– Но вы не сомневаетесь, что это было?

– Да, не сомневаюсь, но не уверен, что все происходило именно так, как трактуются эти события.

– Ну вот, это уже что-то. А что вы скажете насчет теории Дарвина?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.